

Ольга Покровская

Вдобрездежж

Она готова поступиться гордостью, лишь
бы спасти его. Осознает ли он,
что они связаны гораздо сильнее,
чем кажется?..

Однажды и навсегда

Ольга Покровская

Вдребезги

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Покровская О. В.

Вдребезги / О. В. Покровская — «Эксмо», 2019 — (Однажды и навсегда)

ISBN 978-5-04-100432-3

София смелая и волевая женщина, успешно управляющая корпорацией. Никто не догадывается, что глубоко внутри она хрупкое и ранимое существо. Ведь когда-то Соня пережила чудовищную трагедию, лишившись брата-близнеца. Прилетев в Стамбул по делам, она случайно встречает свое отражение в актере Берканте. Он хочет казаться сильным, и потому, случайно открывшись Софии, жестоко отвергает ее. Но поймет ли Беркант, что они – единственное, что есть друг у друга? И если жизнь одного из них разлетится вдребезги, сгинет и другой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100432-3

© Покровская О. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
1	6
2	18
3	27
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Покровская

Вдребезги

© Карпович О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения случайны.

Я стала волком, одержимым запахом крови, я шла по следу изо дня в день – голодная, коварная, беспощадная.

Мне нравилось думать о том, что ты можешь чувствовать. Нравилось предугадывать твои мысли и вместе с тобой ощущать твою панику, твой страх перед сумасшедшим преследователем.

Мне нравилось осознавать, что я смогла нарушить остатки твоего покоя, нравилось знать, что ты потерял сон, потерял дело своей жизни.

Из-за меня...

Я гнала тебя, бедную невинную овечку, по опасному лесу, не останавливаясь, не давая передохнуть, исключительно точно зная, что скоро твои силы иссякнут. Ты сломаешься, упадешь, и тогда я, я опрометью метнусь к тебе, но не стану перегрызать тебе яремную вену, нет, это потом... Сначала я загляну тебе в глаза, эти нечеловечески прекрасные глаза цвета вод Босфора. Всегда непостоянного, всегда меняющегося цвета. От темно-синего до аквамаринового.

Я загляну тебе в глаза еще раз, чтобы запомнить их угасающий блеск навсегда. Чтобы напомнить себе, как я любила тебя. Волчья память бесконечно длинная, и последним прикосновением, последним твоим дыханием я умоюсь, словно чистой росой, и избавлюсь от душного морока последних месяцев.

Я вспомню все и на миг перестану ненавидеть тебя, я прощу тебя, зная, что это конец, я прощу тебя, глядя тебе в глаза, и отпущу тебе все грехи, словно священник на исповеди.

Я никогда не переставала любить тебя, враг мой, бедный мой, порочный ягненок, и перед смертью я скажу это вслух, произнесу это громко и насладюсь ясным отзвуком этих слов. Я наконец скажу себе и тебе правду. Да, это была я. Да, ты не ошибся. Да, я была беспощадна. Но я не могла иначе. Ты не оставил мне выбора. Ты убил во мне сострадание, ты вернул меня во мрак моего прошлого. Ты убил, еще раз убил в себе Бориса. Ты убил меня. Не пожалел.

И я уже не смогла, понимаешь, не смогла остановиться. Во мне не осталось жалости.

Не осталось ничего из того, что я испытаю в тот момент когда достигну тебя, прижму твою упрямую голову к земле, загляну в твои глаза и... Я обязательно поцелую тебя, Берканти, я поцелую твои уста на прощание, перед тем, как нам перестать быть. Дотронуся сухими губами до твоей шеи, прежде чем кровь навсегда перестанет гулко пульсировать в ней...

Часть I

1

...Мой светлоокий друг, единственный ангел, в которого я верю... Я все время ищу тебя, пытаюсь разглядеть среди чужих лиц в незнакомом городе твое лицо. Иногда смотрю в зеркало и вглядываюсь, вглядываюсь в собственные черты до рези в глазах... Когда-то мы были с тобой похожи, а теперь уже, кажется, нет... Я ищу тебя везде, где только можно, и не нахожу...

И тогда я начинаю фантазировать, представляю себе, где ты сейчас, какой ты... Мы так давно не виделись с тобой, и все же отчего-то мне кажется, что ты все время где-то рядом. И однажды настанет день, когда я все-таки тебя найду...

* * *

Над весенней Москвой лежала серебристо-розовая зябкая предутренняя дымка. Солнце еще не вышло из-за горизонта, лишь окрасило алым край посветлевшего неба, заиграло на окнах уходящих ввысь небоскребов, задрожало на темно-красных «ласточкиных хвостах» древнего Кремля, задребезжало бликами на золотых церковных маковках. Огромный город, так причудливо соединивший в себе старое и новое, благочестивое и безбожное, европейское и азиатское, не спал никогда, даже глубокой ночью, но в этот час он словно бы замедлял свой бег, нежась в предрасветной истоме, сладко позевывал и рассеянно наблюдал за происходящим на своих улицах, проспектах и площадях.

Машин в такое время на дорогах было немного, и мощный поблескивавший хромированными боками мотоцикл лихо промчался по полупустой набережной, мимо сохранившихся с позапрошлого века зеленых, желтых, голубых «пряничных» домиков и свернул на тяжелый бетонный мост. Под мостом неспешно катила розовеющие в рассветном свете воды река, изредка лениво плеская в гранитные берега мелкой волной. Внизу, у городской пристани дремал, намаявшись за день катать туристов, изящный белый пароходик. А там, на другом берегу реки, тихо шелестели за бордовой кремлевской стеной набухшие почками ветви деревьев Тайницкого сада.

Мотоцикл, всхрипнув, как разгоряченный конь, остановился у парапета. Легкая, гибкая, затянутая в черное фигура соскочила с него, перемахнула через загородку, отделяющую проезжую часть от пешеходной зоны, и остановилась у каменных перил. Женщина помедлила несколько секунд, обернулась – словно в последний раз хотела взглянуть на уже показавшийся из-за блестящих стеклом и сталью высоток оранжевый край солнца, на золотящиеся маковки старинных соборов, на шелестящие еще голыми ветвями парки и скверы. Затем снова повернулась к воде, стянула с головы мотоциклетный шлем, отбросила его в сторону и вдруг ловко вскочила на парапет. Проезжавший мимо потертый «Фольксваген» замедлил ход, водитель высунулся из окна, загудел, прокричал что-то. Но женщина не обратила на это никакого внимания, даже не дернулась на резкий звук клаксона. С минуту постояла на самом краю, вытянувшись в струну, расправив спину и чуть откинув голову – так, что собранные тонкой резинкой в хвост светло-русые волосы кончиками касались проглядывавших под черной тканью острых лопаток. Затем в одну секунду вся собралась, сжалась, будто тугая пружина, оттолкнулась от каменного парапета и ухнула вниз.

Водитель «Фольксвагена», выматерившись себе под нос, выскочил из машины и бросился к перилам, на ходу выуживая из кармана мобильник. Досада брала – что же он не сориентировался сразу, какого лешего медлил и хлопал глазами. Такое бы видео можно было снять – баба кончает с собой прямо в центре города, середь бела дня. Да еще как пафосно – мост, «Харлей», все дела. Журналиги с руками бы оторвали, никаких денег не пожалели. А теперь если что и успеешь запечатлеть, так только бултыхающийся под мостом трупак.

Водитель, однако, на всякий случай щелкнул и остывающий у парапета мотоцикл, и валяющийся рядом сброшенный шлем. Затем подскочил к перилам, навалился животом на остывший за ночь гладкий мрамор и посмотрел вниз, готовясь увидеть в воде безжизненно обмякшее женское тело. Но, к своему удивлению, ничего подобного не увидел. Самоубийственная баба определенно была жива, да еще и, похоже, отлично себя чувствовала – быстро приближалась к берегу, рассекая речную воду широкими мужскими гребками. Руки, обтянутые черным, блестящим от влаги материалом, так и мелькали в уже прoderнутом первыми солнечными лучами утреннем воздухе. Внизу, под мостом, бабу, как оказалось, ждали, видимо, такие же отмороженные. Незадачливый стихийный папарацци видел, как она подплыла к берегу и какой-то бородач в черной кожаной жилетке тут же подскочил, протянул лапищу и помог женщине забраться на ведущие к воде широкие каменные ступени. Она вышла на сушу, повела плечами, мотнула головой, стряхивая с волос воду – брызги, заискрившись разноцветными огоньками, полетели в разные стороны. Черный гидрокостюм – только теперь водитель сообразил, что это было на ней надето, – облепил ее, демонстрируя все изгибы крепкого мускулистого тела. Над узким воротом показался край какой-то замысловатой татуировки.

Дежурившая под мостом чокнутая компашка обступила прыгунью – кто хлопал по плечу, кто горячо говорил что-то. Женщина же отвечала то одному, то другому, а сама улыбалась – так широко, лихо и заразительно, что водителю на секунду и самому захотелось плюнуть на все и сигануть с моста, раз уж это дает впоследствии такой кайф.

Он встряхнулся, как собака, отгоняя дурацкие мысли, на всякий случай все-таки сделал несколько снимков отвязной бабы и ее приятелей, а затем развернулся и побрел к машине, бормоча себе под нос:

– Вот же долбанутые... Экстремалы, мать твою так!

* * *

– Это было круто! Отличный прыжок, очень техничный, – распинался белобрысый парень с «тоннелем» в левом ухе.

София знала его, несколько раз видела на очередных слетах тусовки экстремальщиков. Кажется, это он выделывал головокружительные сальто на велосипеде. Правда, как его зовут, София не вспомнила бы даже под угрозой расстрела.

– Спасибо, бро, – поблагодарила она и легонько стукнула парня кулаком в плечо. – Рада, что взбодрила с утра.

– Отсюда, кажется, еще никто не прыгал, – задумчиво протянул бородач Дэн, куратор российского клуба экстремалов, главный организатор всех мероприятий, снизу-вверх оглядывая конструкцию моста. – Ну, теперь-то не зарастет народная тропа...

– Хочешь сказать, я первопроходец? – весело отозвалась София. – Выступаю сегодня в роли Ивана Сусанина – первого туроператора экстремального туризма?

Все засмеялись. Громче всех заливалась Кса – приземистая широкоплечая девица с собранными в толстый хвост разноцветными дредами на голове. От Софии, однако же, не укрылось, как ревниво та поглядывала то на нее, то на бетонные опоры моста. Ее, должно быть, крепко задело, что другая баба, еще и старше на десять лет, ухитрилась ее обойти. Дредастая наверняка уже соображала, что бы такое выкинуть, чтобы переплюнуть Софию и снова

стать самой крутой девчонкой в тусовке. Да и черт с ней, пускай старается. Софию в подобных вылазках привлекали вовсе не восхищенные свидетели и преходящая слава. Это скорее были малоприятные, но неизбежные побочные эффекты. Будь такое возможно, она с удовольствием прыгала и гоняла бы одна. Но, к сожалению, подобного рода развлечения всегда были связаны с нудными и трудоемкими организационными вопросами, заниматься которыми у нее не было ни времени, ни желания. Приходилось вписываться в разнообразные, базирующиеся в разных странах клубы любителей экстремальных видов спорта.

Сейчас София, на автомате участвуя в болтовне, лихо перебрасываясь шутками и подколками и белозубо хохоча, на самом деле испытывала самый настоящий адреналиновый приход. Острый чистый кайф расплзался по венам, пропитывая все тело, покалывая кожу тоненькими иголочками, заставляя грудь вздыматься, жадно вдыхая свежий утренний воздух. После таких кульбитов она всегда особо остро чувствовала себя живой, молодой, сильной, способной, если понадобится, снести на своем пути горы и повернуть вспять реки. С нее словно разом смывало все мелкое, суетное, наносное-ненужное. Все исчезало прочь, и София выходила из воды, спрыгивала с мотоцикла, съезжала с особо крутой горнолыжной трассы... не новым человеком, нет. Это не изменяло ее, но как будто бы возвращало ей дистиллированную, концентрированную, очищенную от всего лишнего собственную сущность. Так было и сейчас.

– Вы позволите? Пара слов для интернет-портала «Без тормозов»... – прострекотал кто-то над ухом.

София обернулась и увидела рядом с собой какого-то верткого пацана с утиным носом и стоящей иглами челкой. Пацан аж подпрыгивал на месте от нетерпения, теребил висевшую на груди массивную камеру и смотрел на Софию так же, как смотрели все в этой компании, – восторженно и весело, явно предвкушая, какое дерзкое интервью сможет взять у такой обаятельной экстремалки.

София даже усмехнулась про себя этакой наивности, смирив пацана взглядом и отчеканила – негромко, но тем самым тоном, от которого вытягивались во фрунт топ-менеджеры принадлежавших ей заводов:

– Не позволю, – и, больше не устаивая журналиста взглядом, обернулась к Дэну, безразлично повела в его сторону плечом. – Дэн, это что? Я, кажется, ясно выразилась...

– Прости, прости, – забасил Дэн, прижимая лапищи к груди, видимо, чтобы более убедительно изобразить раскаяние. – Я сейчас разберусь...

Он ухватил пацана за тощее плечо и поволок куда-то, грохоча:

– Тебя кто сюда пустил, чучело? Сказано было, никаких съемок, никакой прессы...

София, посчитав ситуацию исчерпанной, больше уже в их сторону не смотрела, обернулась к остальным:

– Ладно, ребята! Рада была всех повидать. Но мне пора.

– Что, уже? – зашумели вокруг. – Чего так быстро? Оставайся, вечером сегодня Brent отжигать будет...

– Не могу, – коротко отозвалась София и, пожав кое-кому руки на прощание, зашагала в сторону каменной лестницы, ведущей на мост.

– Да что там у тебя за неотложные дела? – крикнул вслед кто-то. – Вселенную нужно спасать?

– Почти, – не останавливаясь, бросила София и, поравнявшись с ведущей на мост лестницей, заспешила вверх по ступенькам.

* * *

– Еще что-нибудь желаете? – дежурно улыбаясь, спросила девушка в форме Turkish Airlines.

София помотала головой и уточнила:

– Во сколько мы приземлимся?

– Самолет совершит посадку в аэропорту Порт Ататюрк города Стамбула через двадцать минут, – отрапортовала стюардесса.

– Отлично, – кивнула София и жестом дала понять, что больше не задерживает бортпроводницу.

За время полета она отлично выспалась. Эйфория, всегда накрывавшая ее после очередной сумасшедшей выходки, почти прошла, осталось только ощущение бодрости во всем теле. Теперь же нужно было привести себя в порядок перед грядущими свершениями.

Дотронувшись пальцами до волос, София убедилась, что они уже высохли. Затем поднялась с кресла и достала с багажной полки портплед. К счастью, в первом классе она сегодня летела одна, и потому ничто не помешало ей спокойно переодеться в строгий деловой костюм, провести расческой по волосам и слегка тронуть косметикой лицо. Быстро оглядев себя в зеркало, она осталась довольна увиденным. На нее смотрела уверенная в себе сильная тридцатипятилетняя женщина: ясные цепкие серые с прозеленью глаза, резкие скулы, твердый абрис рта, волевой подбородок. Из-под ворота белой блузки виднелся край украшавшей шею и плечо татуировки в полинезийском стиле – узор из расходящихся спиралей, зигзагов, овалов и треугольников, складывающихся в изображение черепахи – символа силы, физической и духовной. Оскаленного волка, расположившегося на левой лопатке Софии, сейчас видно не было. И все же она, как обычно, всем плечом ясно ощущала его присутствие. Ерунда, конечно, всего лишь рисунок чернилами на коже. И все же почему-то наличие подобных «оберегов» на теле Софии нравилось, они будто бы дополняли, оттачивали до совершенства ее образ.

Удовлетворенно осмотрев собственное отражение, София сунула ноги в туфли на высоких каблуках и вернулась в кресло. Самолет словно все это время только и ждал от нее сигнала – тут же пошел на снижение. И, выглянув в иллюминатор, она увидела проплывающий внизу знакомый пейзаж – строения азиатской и европейской частей города и разделяющий их Босфор, испещренный точечками кораблей и грузовых барж, и стремительно уходящие вверх башенки старинной мечети Султан Ахмед, и сверкающие на солнце бесчисленными окнами небоскребы квартала Левент. Самолет, сделав крутой вираж над Стамбулом, развернулся над морем зелени и, достигнув территории аэропорта, выпустил шасси.

Через два часа, входя в огромное высотное здание из стекла и бетона, где располагался головной офис одного из принадлежавших ей заводов, проектирующих и производящих металлоконструкции, София уже ничем не напоминала утреннюю лихую экстремалку, только что вылезшую из городской реки после опасного прыжка с моста. Поразительно, но в образе деловой женщины она выглядела ничуть не менее органично, чем в гидрокостюме верхом на мотоцикле.

Трудовая жизнь в офисе была ключом. Мельтешившие в офисных коридорах сотрудники оглядывались на Софию, подобострастно здоровались и наверняка перемигивались за ее спиной. А скучавший на ресепшен офис-менеджер, увидев Софию, едва заметно побледнел, вскочил на ноги и испуганно затоптался за стойкой.

– Миссис Савинов... Прошу прощения, вы не сообщили о своем приезде. Мы бы организовали встречу... – заговорил он по-английски.

– И как следует подготовились, – усмехнулась София. – Спасибо, Ибрагим, но меня созерцание потемкинских деревень не интересует. Всегда лучше увидеть все, как есть, чтобы здраво представлять себе ситуацию.

– Потемкинских... что? – растерянно переспросил молодой турок, с трудом выговорив незнакомое слово.

– Не важно, – отмахнулась София. – На какое время сегодня назначено совещание руководства завода?

– На... на три часа дня, – проблеял Ибрагим, сменивший за последние несколько минут цвет лица со смугло-бледного на тревожно-алый.

– То есть до начала остается пять минут, – подхватила София, бросив быстрый взгляд на обхватывавший запястье Patek Philippe. – Я так полагаю, все участники уже собрались в переговорной? Как, неужели нет? Интересно. Ибрагим, я пройду прямо в конференц-зал и подожду остальных. – Уже направившись к дверям переговорной, София вдруг замедлила движение и, не оборачиваясь, со смешком в голосе добавила: – И не нужно никого оповещать о моем прибытии. Пусть это станет для сотрудников приятным сюрпризом.

Ибрагим, потянувшийся было к телефонной трубке, отдернул руку, словно пластик обжег ему пальцы, и наверняка выматерил про себя проклятую ведьму, не иначе как обладавшую даром видеть затылком. Софии, впрочем, не было никакого дела до душевных метаний секретаря. Больше не останавливаясь, она прошла в зал, где должно было проходить совещание, расположилась в одном из обрамляющих большой полукруглый стол мягких кресел и приготовилась ждать.

* * *

– Вы меня не поняли, мистер Тунча, – лучезарно улыбаясь, произнесла София. – Меня не интересуют причины, по которым заказ не был выполнен в срок. Меня интересует, что вы сделали для того, чтобы исправить ситуацию и наказать виновных.

Только вчера ей совершенно случайно удалось узнать, что на одном из принадлежавших концерну «EL 77» (основатель концерна Олег Савинов в этакой странно-романтической манере назвал некогда свое детище в честь любимой супруги, используя ее инициалы и год их знакомства) заводов катастрофически горят сроки контракта. Крупная строительная фирма заказала проектировку и производство особых железобетонных блоков, а завод, как оказалось, не выполнил обязательства в срок. Руководство, разумеется, сделало все возможное, чтобы скрыть ситуацию от хозяйки, но у Софии всегда были свои источники информации, позволявшие ей быть в курсе всего происходящего на принадлежавших концерну предприятиях, пускай и находившихся в разных точках света. Лететь в Стамбул пришлось оперативно, не ставя никого в известность, и теперь София прямо-таки наслаждалась разыгрывавшимся перед ней шоу.

Ее неожиданное появление на совещании, как и ожидалось, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сотрудники по одному входили в конференц-зал, натыкались взглядом на вольготно расположившуюся у стола Софию и мгновенно менялись в лице. Кто принимался цветисто здороваться, кто начинал растерянно оглядываться по сторонам, кто явно брался с ходу перекраивать в уме собственный доклад о положении дел. Знали, черти, что рыльце у них в пушку, вот и дергались. София же до поры до времени сохраняла спокойный, даже доброжелательный вид – тем сильнее должен был стать произведенный эффект.

– Как я уже говорил, – снова начал оправдываться директор, – у нас вышла накладка. Наше конструкторское бюро в момент заключения договора с заказчиком еще не сдало предыдущий заказ. Из-за этого к разработке чертежей по новому контракту приступили с опозданием и...

– Хорошо, – терпеливо отозвалась София. – Кто несет ответственность за распределение заказов? По чьей вине произошла накладка?

Все сидевшие за столом руководящие сотрудники, здоровенные солидные мужики, смотрели на нее если не со страхом, то с явной опаской. И это, что греха таить, льстило тщеславию. Когда умер отец, многие сомневались в том, что ей, молодой женщине, удастся взять на себя

управление его бизнесом. Строительство, проектировка и производство металлоконструкций, заводы, рассредоточенные в разных уголках мира... Казалось, ей никогда не поднять такое традиционно «не женское» дело. Отец, однако, учил ее не пасовать перед трудностями, с азартом браться за самые сложные и неприступные задачи, наставляя:

– В чем интерес заниматься тем, что тебе заведомо под силу? Это скучно и мелко. Возьмись за неподъемное, доведи дело до конца и не надорвись в процессе – вот это будет достижение.

Именно этому завету София и следовала всю жизнь. Именно им руководствовалась, когда решила не отдавать отцовское дело на откуп посредникам и рулить всем сама. Что ж, с тех пор как мистер Савинов, неутомимый бизнесмен, человек, входящий в список самых богатых людей Евразии и такой же сумасшедший адреналинщик, как и она сама, разбился на своем мотоцикле, прошло два года. И, пожалуй, уже можно было подвести некоторые итоги и с уверенностью сказать, что она справилась с поставленной задачей. Не все шло гладко, случались на пути кочки и колдобины (вот как сейчас, с этими чертовыми горящими сроками крупного контракта), но авторитет Софии у сотрудников был непререкаем, и ее прямое вмешательство в конфликтную ситуацию обычно означало, что работники из кожи вон вылезут, но исправят свою оплошность и выйдут из положения без потерь для производства.

Получив в свое время образование в Англии, а позже степень МВА в США, София, казалось, одним своим безупречным английским подавляла собравшихся в переговорной сотрудников. Те, будучи менеджерами высшего звена, разумеется, тоже говорили на языке, но слова выговаривали с неистребимым певучим турецким акцентом. Ее же речь была чиста, бегла, наполнена хитрыми метафорами и сравнениями и ничем не выдавала, что английский для нее – не родной.

– Я приношу свои извинения, – бубнил тем временем куратор проекта, оказавшийся ответственным за провал сроков. – Я допустил ошибку, неверно рассчитал загруженность конструкторского бюро. Два наших инженера неожиданно выбыли из строя – один внезапно решил эмигрировать в Германию, а другого пришлось уволить за производственное нарушение. Мы не успели вовремя пополнить кадры... Как только стало ясно, что произошла накладка, мы провели перерасчет сроков исполнения контракта, перераспределили задачи таким образом, чтобы часть сотрудников конструкторского бюро смогла сразу взяться за исполнение следующего заказа. Однако полностью скомпенсировать запоздание так и не удалось...

– Вы представляете себе, какого размера неустойку заводу придется выплатить за срыв сроков заказа? – вежливо поинтересовалась у него София, не переставая улыбаться.

Куратор – директор завода назвал в начале его фамилию, но София ее не запомнила – вспыхнул так, что даже кончики ушей налились у него свекольным цветом.

– Я очень прошу вас войти в мое положение... – заговорил он, умоляюще глядя на Софию. – Мой ребенок... сын... в тот момент попал в больницу, ему предстояла тяжелая операция. Я гарантирую, что такого больше не повторится. До сих пор за пятнадцать лет работы на предприятии я...

– Послушайте, мистер Сиркеджи, давайте с вами договоримся: вас не интересуют мои проблемы, а меня не должны интересовать ваши. Вы уволены, – не дослушав, веско припечатала София. – Расчет получите в отделе кадров, – и отвернулась, не желая больше тратить время на проштрафившегося менеджера.

Окинув глазами аудиторию, она обратилась к мужчине с тронутой сединой бородкой:

– Мистер...

– ...Кайя, – подсказал ей бородач, нервно заерзавший под ее взглядом.

– Мистер Кайя, у вас тоже есть дети? – продолжила София.

– Есть, – озадаченно отозвался мужчина. – Сын и дочка.

– Вы ведь заинтересованы в том, чтобы они вовремя получали самое лучшее питание, образование и медицинское обслуживание?

– Конечно, – все еще не понимая, в чем дело, развел руками Кайя.

– Отлично. Назначаю вас ответственным за этот контракт, – сладко улыбнулась ему София. – Послезавтра в это же время доложите мне, что было сделано для того, чтобы мы успели уложиться в сроки или как минимум максимально сократить задержку...

С этими словами она поднялась из-за стола. Директор завода подскочил вслед за ней:

– Миссис Савинов, но это невозможно. Мы рассчитали самый короткий срок, за который завод успеет выполнить заказ. Сотрудникам и так придется работать сверхурочно, без выходных. Кто-нибудь пожалуется в профсоюз, у нас возникнут проблемы. Выше головы не прыгнешь...

– Напомните, пожалуйста, сотрудникам о том, что у них тоже есть дети, – ласково посоветовала ему София. – И что эти дети хотят есть, учиться и развлекаться. Все то, чего они будут лишены, если их родители потеряют работу. Если после этого еще у кого-нибудь останется желание обращаться в профсоюз, что ж, вперед. Борьба – дело благородное. И голодное. Всего доброго.

На пороге конференц-зала она обернулась, еще раз окинула взглядом притихший топ-менеджмент завода и сообщила:

– Я останусь в Стамбуле до тех пор, пока проблема по контракту с «Джифест Констракшн» не будет решена, и буду лично контролировать ситуацию. Попрошу всех присутствующих быть на связи.

С этими словами София вышла из переговорной, аккуратно прикрыла за собой дверь и несколько секунд удовлетворенно прислушивалась к поднимаемому в комнате сразу после ее ухода гулу. Похоже, ее выступление произвело верный эффект. В срок заказ завод, конечно, уже не выполнит, но директор, трясушийся за свое место, выжмет из подчиненных все соки, чтобы максимально сократить задержку. Прекрасно. Именно для этого она сюда и летела.

Что ж, после такого продуктивного утра можно было слегка расслабиться и уделить время семейным делам.

* * *

– Ты надолго в Стамбул? – спросила Алина, откладывая в сторону меню.

С мачехой София встретилась за обедом в ресторане отеля Marmara Pera Istanbul. Впрочем, никто со стороны в жизни не заподозрил бы в этих двух женщинах мачеху и падчерицу. Алина, вдова отца, была старше Софии всего-то на семь лет, да и эта небольшая разница в возрасте совершенно не бросалась в глаза. Алина в свои сорок два выглядела едва не ровесницей Софии, благодаря природной мягкости черт лица, нарочитой женственности образа и, конечно, не в последнюю очередь, различным косметологическим процедурам. Хрупкая миниатюрная женщина, стройную фигуру которой подчеркивали плавные линии темно-голубого платья, а нежные щеки с игривыми ямочками обрамляли золотистые локоны, никак не тянула на главу семьи.

София никогда не была особенно близка с женой отца, однако и негативных чувств к ней не испытывала. Алина появилась в их жизни много позже смерти матери, и София восприняла их с отцом брак довольно равнодушно. Не было в ней ни ревности отодвинутого в сторону ребенка, ни тяги найти в новой супруге отца потерянную мать. К моменту знакомства с Алиной она и сама уже была взрослой женщиной, трезво смотрела на мир и отлично понимала, что молодой, полный жизни и богатый Савинов-старший, разумеется, не останется один навсегда. Алина в целом была не худшим вариантом. Спокойная, здравомыслящая, воспитанная, она не

лезла к Софии в душу и не пыталась конкурировать с ней за внимание отца. Просто поддерживала ровные доброжелательные отношения.

В последние два года, правда, София стала относиться к мачехе слегка покровительственно. Савинов был человеком обстоятельным и, несмотря на то что дожить явно планировал лет до ста, о завещании позаботился сильно заранее. В бумагах, зачитанных им адвокатом вскоре после похорон, ясно значилось, что Алина после его смерти получает солидный пакет акций принадлежащего ему концерна, а также дом в Стамбуле и виллу в Сен-Тропе, однако же управление семейным бизнесом полностью переходит в руки дочери.

Алина, всегда подчеркивавшая, что в деловых вопросах не понимает ровным счетом ничего, оспаривать завещание не стала и легко приняла волю покойного мужа, согласившись на постоянный доход, позволяющий ей жить безбедно, и полностью отказавшись от попыток влиять на происходящее в компании. И София, понимавшая, что сама ни за что так легко не сдала бы позиций, не могла не проникнуться к ней за это уважением, правда, с легким снисходительным оттенком. Как и отец, она не могла не воспринимать людей, отказывающихся драться за свое, свысока. И в то же время с неким почтением относилась к незнакомому ей навыку так легко полагаться на чужую волю. Кроме того, очков мачехе в ее глазах придавал и тот факт, что, оставшись молодой привлекательной вдовой, та не пустилась тут же во все тяжкие, не завела себе какого-нибудь смазливового мальчика-игрушку, а, кажется, по сей день оставалась верна памяти Савинова. В общем, не питая к Алине теплых чувств, София все же ощущала за нее некоторую ответственность и следила за тем, чтобы – как бы ни шли дела у корпорации – положенные ей ежемесячные выплаты Алина получала исправно и без проволочек.

– Пока не знаю, – отозвалась она и, выбрав блюдо, тоже с треском захлопнула корочку меню. – Наверное, пока не закончу все дела по контракту с «Джифест Констракшн».

– Ну, под твоим надзором ситуация разрешится мгновенно, – мягко улыбнулась Алина. – Мне еще не доводилось видеть женщины, умеющей внушать такой ужас подчиненным.

– Достигается упражнением, – усмехнулась София, жестом подзывая официанта.

София искренне любила стамбульские рестораны, кофейни и разнообразные забегаловки – не пафосные, но предлагающие качественную и недорогую пищу. Публика в них встречалась самая разношерстная – и местные, и туристы, стекающиеся в этот громокипящий Вавилон со всех концов мира. София же любила наблюдать за людьми, за их повадками и привычками.

Алина предпочитала более фешенебельные места. В пищевых пристрастиях двух женщин тоже было мало общего. Если Алина, ежеминутно занятая подсчетом калорий, всегда долго вздыхала над меню, охала над замысловатыми десертами и в конце концов заказывала какой-нибудь салатик, то София выбирала пищу простую, полезную и сытную. Калории ее волновали мало, а вот необходимость оставаться в форме, быть сильной, выносливой и всегда готовой к физическим перегрузкам, являлась в жизни определяющей. Сегодня София выбрала на обед тушеную телятину с овощами, запеченными на гриле, и слегка усмехнулась, взглянув на принесенное Алине воздушное нечто. На таком рационе и мотоцикл с места не сдвинешь – сил не хватит.

– И все же, как бы там ни было, хорошо, что ты приехала. Сейчас в Стамбуле самое прекрасное время, – мечтательно произнесла Алина. – Еще не так жарко...

Савинов при жизни, как и София сейчас, не желал ограничивать себя одним-единственным городом постоянного проживания, а потому обзавелся жильем в разных концах света. Алина же из всех его резиденций предпочитала именно стамбульскую. Должно быть, именно поэтому отец и отписал ей по завещанию просторный дом в районе Ортакей. Алина утверждала, что местный климат благотворно действует на ее нервную систему и цвет лица. Что, вероятнее всего, было правдой, потому что вид у Алины был самый цветущий.

– Точно, – кивнула София и, не удержавшись, добавила: – Можно погонять как следует. У губ Алины залегла вертикальная морщинка.

– Ты бы все-таки поосторожнее с этими своими развлечениями.

– Вот еще! Тормоза придумали трусы, – хохотнула София.

Алина изящно качнула головой и с укоризной отозвалась:

– Ты вся в отца.

– Это верно, – усмехнулась София и добавила: – Вот и на заводах моих так говорят. Пари держу, я их всех крепко разочаровала. Наверняка думали – вот встанет баба у руля, будем вертеть ею в два счета. А не вышло.

– Я и до сих пор не представляю, как ты руководишь этими гигантами, – поморщилась Алина.

– И не представляй, – весело отозвалась София. – Это не женский бизнес, моя дорогая.

Подошел официант, и Алина, обернувшись к нему, стала уточнять, какой из приведенных в меню десертов является самым низкокалорийным. София же расслабленно откинулась на спинку стула и задумалась о том, как проведет сегодняшний вечер после того, как распрощается с мачехой. Можно было погулять по вечернему Стамбулу, этому удивительному, ни на какой другой не похожему городу. Можно было наведаться в какой-нибудь клуб или прокатиться на теплоходе по Босфору... А впрочем, кого она обманывает? У нее ведь аж ладони горят и в груди щемит от предвкушения. В душе она сразу решила, чем займется нынешним вечером, как только сошла с трапа самолета и ступила на турецкую землю. Он, должно быть, соскучился по ней, застоялся в гараже, как норовистый конь в стойле... И вечером их ждет сумасшедшая пьянящая гонка...

Погрузившись в свои мысли, она не сразу услышала, что Алина обращается к ней. И, поймав на себе ее выжидающий взгляд, переспросила:

– Что?

– Я говорю, что недавно обедала с доктором Карлом Густавсоном, – повторила Алина. Официант, получивший от нее заказ, уже спешил в сторону кухни, торопясь обслужить важную клиентку. – Он был проездом в Стамбуле. Спрашивал о тебе.

– Доктор Карл, доктор Карл... – пощелкала пальцами в воздухе София. – Кто это?

– Ну как же? Старый друг твоего покойного отца, психиатр, – пояснила Алина. – Он несколько раз останавливался у нас на вилле в Сен-Тропе. Помнишь, мы еще все подшучивали над этой его привычкой в любую погоду выходить к обеду при полном параде – в пиджаке и галстуке.

– Ах да, тот немец, – сообразила София.

Ей действительно вспомнился высокий сухощавый мужчина в светлом пиджаке и безукоризненно отглаженной рубашке, имеющий обыкновение цепко всматриваться в окружающих, с которым дружил покойный отец, и временами задавать странные вопросы. Где они с ним могли познакомиться, она, правда, понятия не имела. С другой стороны, отец при жизни интересы имел самые разнообразные, и круг общения его потому отличался широтой и разнообразностью. Туда вполне мог затесаться и иностранное светило психиатрии.

– Мне всегда казалось, что у него какие-то безумные глаза, – добавила она. – Как будто с дьявольщинкой. Хотя, может, это профдеформация, переобщался с психами бедняга профессор. – Алина в ответ на шутку рассмеялась – словно зазвенел в просторном зале ресторана серебряный колокольчик. – Так и о чем он спрашивал? Что ему от меня надо?

– Да ничего, – пожала плечами Алина. – Просто интересовался, как у тебя дела. Не бросила ли ты свои экстремальные увлечения.

– Не дождетесь, – широко улыбнулась София.

В это время официант принес им чай и заказанные Алиной десерты, и разговор на время прервался.

* * *

Когда наконец все запланированные на день дела были окончены, с завода доложились, какие меры приняты для сокращения сроков задержки, Алина, изящно качнув платиновой головкой на прощание, отбыла домой, а над Стамбулом сгустились отливающие багрянцем сумерки, София приступила к осуществлению плана, который, как осознала в ресторане, тайно лелеяла в душе с самого утра. Для начала она наведлась в свою городскую квартиру в районе Нишанташи, где не бывала уже несколько месяцев, с последнего своего приезда в этот город. Но задерживаться надолго в ней не стала. Лишь быстро приняла душ, переделалась и спустилась вниз, на подземную парковку. Туда, где поджидал ее тот самый верный стальной «конь», о котором она столько времени вспоминала.

Разумеется, при ее финансовых возможностях ничего не стоило завести себе по мотоциклу в каждом городе, где ей доводилось жить подолгу, а в местах, куда ее случайно заносила судьба, брать механического жеребца напрокат. Собственно, именно так дела и обстояли. Но София, считавшая себя натурой холодной, выдержанной и не склонной к сантиментам, не могла не признать, что некоторым особям из своего мотопарка она отдает особое предпочтение. А стамбульский Harley Davidson Street, без сомнения, был ее любимцем. Легкий, стремительный, ничуть не похожий на мощный тяжелый агрегат, на котором два года назад насмерть разбился ее отец.

София иногда задумывалась над сработавшей в этом случае странной иронией судьбы. Отец, заработавшей состояние в девяностые, вкисивший все прелести эпохи первоначального накопления капитала, не раз и не два сталкивавшийся на своем пути с бандитами самых разных мастей – и не всегда без последствий, погиб в итоге не в кровавой разборке и не от пули нанятого конкурентами киллера, а залихватски влетел на бешеной скорости в столб на шестьдесят седьмом году жизни.

Высоченный, подтянутый загорелый мужик с могучими плечами и серебристым ежиком жестких волос на голове, он даже за шестьдесят не производил впечатления человека в солидном возрасте. До последних дней оставался таким же безбашенным, как в молодости, – и в работе, и в развлечениях. Как будто бы жизнь без риска, жизнь, не подстегиваемая ежедневно опасными решениями, острыми ощущениями и возможностью в очередной раз показать кукиш старухе с клюкой, казалась ему слишком пресной и блеклой. Софии не раз доводилось лететь рядом с ним на лыжах по почти отвесно крутому заснеженному склону, прыгать в воду с головокружительной высоты, нестись вперед сквозь бешеный рев моторов, жмурясь от бьющего в лицо ветра. И всякий раз в такие моменты, если удавалось встретиться взглядом с отцом, она видела в его глазах не только сумасшедший азарт и наслаждение опасностью. Она видела в них настоящее беспримесное счастье. И, несмотря на то что отец – абсолютно здоровый человек, годы над которым, казалось, были не властны, – мог совершенно точно прожить еще лет двадцать пять, а то и тридцать, София в какой-то мере даже завидовала ему. Уйти вот так – на пике жизни, отдаваясь любимому развлечению, чувствуя себя сильным, свободным, молодым и счастливым, – да что может быть лучше? Неужели же тихое угасание в пропахшей лекарствами белой палате?

Размышляя так, София прошагала по пустынной подземной парковке до нужного места и, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбку, осторожно, словно глядя строптивого жеребца, провела ладонью по гладкому боку мотоцикла. Вот он, ее любимец. Заждался... Ее и саму все сильнее охватывало нетерпение, словно не она только этим утром гнала по московскому проспекту, оседлав почти такой же мощный агрегат. Словно от последней мотоциклетной гонки ее отделяли месяцы и месяцы...

София надела на голову шлем, лихо вскочила на мотоцикл, завела мотор, напряженно прислушиваясь к тому, как гудит стальное сердце «Харлея». Она не хуже любого механика из сервиса умела по звуку определять, все ли в порядке с машиной. Но сейчас все было хорошо. Несмотря на долгий простой, мотор мотоцикла работал ровно, без сбоев, и София, поглубже вдохнув, чтобы унять волнами поднимавшийся в груди восторг, погнала байк к выезду с парковки.

Проводить уличные гонки в черте Стамбула не решился бы ни один самый отмороженный экстремал. Весь город просматривался многочисленными камерами, и полиция была бы на месте подобного вопиющего нарушения правопорядка мгновенно. Именно поэтому мотоциклетный заезд проходил далеко за городом, в семидесяти километрах от выезда из Стамбула. На дороге, ведущей от европейской части города в сторону Болгарии, к Текирдагу.

К тому моменту, как София добралась до места, там уже собралась порядочная толпа. В свете фонарей на обочинах поблескивали металлическими корпусами мотоциклы разных моделей. Их гордые обладатели – или просто посвященный народ, явившийся поглазеть на развлечение, – стояли группками, обсуждали что-то, перекрикивались, пересмеивались. Команда активистов, занимавшаяся организацией заездов, возилась с техникой, расчерчивала баллончиками отведенный под гонки участок дороги, носилась со списками участников, разбивая их на подгруппы соревнующихся, прикрывала специальными накладками номерные знаки мотоциклов – на случай если полиция все же разнохает о происходящем и захочет призвать нарушителей спокойствия к порядку.

Оценив обстановку, София соскочила с мотоцикла и подошла к собравшимся. Многие тут были ей знакомы – по предыдущим заездам, по былым экстремальным развлечениям. Вон ту девицу в серебристых обтягивающих брюках она точно знала. Как и парня в обхватывающей голову ярко-красной бандане. Софию тоже узнавали, почтительно здоровались, кто-то вполголоса представлял ее новичкам, перечисляя все ее запомнившиеся народу достижения. София не стала надолго останавливаться и тратить время на светские беседы. По-быстрому выяснив, сколько планируется заездов и остались ли еще свободные места, она договорилась об участии, отошла в сторону и закурила, приготовившись смотреть первый заезд.

Из раскрытых дверей припаркованной у обочины машины грохотала музыка. Люди в толпе – те, что не собирались участвовать в гонках, а пришли поглазеть, – шумно переговаривались, хлебали пиво из жестяных банок. Затем музыка резко стихла, по бокам дороги ударили вверх белые искрящиеся фонтаны шутих, и дюжий байкер, упакованный в черную кожу, объявил старт первого заезда. Десять мотоциклов тут же выстроились в ровную линию, мелькнули в воздухе сигнальные флажки, взревели моторы, и первая десятка, грохоча и отфыркиваясь, понеслась к финишу.

К тому моменту, как очередь дошла до пятого заезда, в котором София собиралась принять участие, атмосфера на дороге накалилась до предела. Толпа визжала и улюлюкала, золотистые, брызжущие в разные стороны фонтаны бушевали все сильнее, затмевая высypавшие в высоком небе звезды. Запах машинного масла и разгоряченных гонкой тел заглушил ароматы моря, сосен и пряных азиатских трав. И София жадно вдыхала его полной грудью, во все глаза смотрела на разворачивающееся перед ней действие, с нетерпением ожидая своей очереди. Это был ее мир, ее жизнь, ее стихия. Азарт, скорость, опасность, кипящий в крови адреналин. Ничто больше не дарило ей такого острого наслаждения.

И вот наконец объявили пятый заезд, и София подвела мотоцикл к стартовой линии. Эта гонка отличалась от других тем, что здесь на участниках не было мотоциклетной амуниции. И София, и другие байкеры восседали на своих стальных скакунах в обычных джинсах и куртках, нацепив для защиты лишь наколенники и налокотники. София наклонилась ближе к рулю, крепче вцепилась в него, чувствуя, как напрягаются, наливаются силой плечи и руки,

как все тело превращается в звенящую струну. Ведущий дал отмашку, она ударила по газам и рванула вперед. Из-под колес вылетел сноп оранжевых искр, в лицо ударил ветер. София лихо обошла на старте девицу в серебристых брюках, затем чуть замешкалась, и тут же впереди мелькнула красная бандана – чертов придурок, как там бишь его звали, воспользовался случаем и вырвался вперед. Но София не собиралась с этим мириться. Сильнее втопив педаль газа, она понеслась к финишу, обогнула теснившего ее бородача в надвинутой на лоб кепке, выиграла еще несколько секунд. Красная бандана мелькала впереди, дразнила, словно плещущий в воздухе плащ матадора.

За спиной заскрежетало, что-то тяжело грохнуло. Раздались испуганные выкрики. Должно быть, кто-то не справился с управлением, улетел в кювет. Но Софию это не волновало. Она не стала сбавлять скорость и оборачиваться, все так же летела, всем весом повиснув на руле. Красный клочок ткани был все ближе, вот она уже поравнялась с ним и принялась обходить справа. Мотоциклист, заметив ее, подался ближе, попытался подрезать, столкнуть ее с дороги. И София, выждав секунду, когда он подберется почти вплотную, ловко вздернула «Харлей» на дыбы. Парень в бандане, очевидно, собиравшийся «боднуть» ее, от неожиданности потерял равновесие и завалился на бок. София же обошла его, рванула дальше и, уже ничего не видя и не слыша вокруг себя, пересекла финишную прямую.

Мир, погасший на секунду, взорвался криками, восторженными воплями, рукоплесканиями. К ней спешили со всех сторон, поздравляли, гомонили, вопили кричалки в честь победительницы заезда. Ночной ветерок охлаждал влажный лоб. София утерлась рукавом, чувствуя, как разливается по телу приятная истома. Спрыгнула с мотоцикла, широко улыбнулась, рассеянно отвечая на поздравления.

Организатор заезда вытащил ее на освещенную площадку, задвинул в подпитывавшийся от генератора микрофон речь и торжественно вручил приз – крошечную серебряную модель Harley Davidson образца 1948 года. София поблагодарила, продемонстрировала подарок всем интересующимся и направилась к своему мотоциклу.

Вечер официально можно было признать удавшимся. Теперь, после такой встряски, неплохо было бы выпить.

2

Мобильник верещал над ухом все громче, и Беркант в конце концов вынырнул из смутно-тягостного сна, с трудом оторвал от подушки гудевшую голову и дотянулся до трубки. Подробности сна он не запомнил, осталось только мерзкое ощущение засыпающего его песка – горячего, тяжелого, давящего на грудь, забивающего рот и ноздри. Он, кажется, пытался выбраться, отчаянно барахтался в засасывающем его все глубже обжигающем месиве, сбивал в кровь ладони. И краем меркнувшего сознания слышал чей-то смех – неприятный, раскатистый, безумный смех.

Первые несколько секунд после пробуждения Беркант глупо моргал на льющийся в окно солнечный свет, потом заозирался по сторонам, с облегчением убедился, что лежит на широкой кровати в собственной просторной белой спальне, и прохладный ветер, пробирающийся в распахнутую балконную дверь, парусом надувает белую занавеску, и только потом, слегка успокоившись, ответил на звонок:

– Алло!

Получилось все равно как-то хрипло и сдавленно, будто бы он все еще не до конца выбрался из той, ночной, реальности. На дисплей телефона Беркант взглянуть не успел, и потому, подумав вдруг, что могут звонить с киностудии и что там его сип вряд ли будет воспринят «на ура», быстро решил, что в случае чего скажется простуженным. Однако из трубки раздался голос матери.

– Мне не привезли картину, – трагически заявила она, не утруждая себя приветствием.

– Что? – переспросил Беркант, попытавшись сесть в постели.

Попытка успехом не увенчалась, в висках тут же взорвалась боль, и он, едва успев подавить стон, снова рухнул на подушки.

Мать тяжело вздохнула, очевидно, крайне расстроенная его непонятливостью. И Беркант в который раз пожалел, что мамуле никогда не приходило в голову заняться актерской карьерой. Роли королевы в изгнании удавались бы ей бесподобно.

– Я купила картину, позавчера, на благотворительном аукционе, – наконец с достоинством пояснила мать.

– Боже, мамочка, ну куда тебе еще одна картина? – взвыл Беркант. – Тебе их уже и вешать некуда.

– Ты прав, дом у меня весьма скромный для матери такого успешного актера, – со значением заметила мать, а затем, выдержав драматическую паузу, добавила: – Картину должны были доставить вчера вечером. Но ее до сих пор нет.

– А ты не пробовала позвонить организаторам? Выяснить, кто за это отвечает? – осторожно поинтересовался Беркант, заранее зная ответ.

Мать поначалу окатила его таким ледяным молчанием, что, честное слово, у него мурашки по коже побежали. А затем отчеканила:

– Нет! – умудрившись вложить в одно короткое слово всю бездну негодования от предположения, что она, при живом-то сыне, должна заниматься решением таких проблем сама.

Беркант прямо-таки увидел, как сейчас взлетели ее филигранно подрисованные брови и скорбно поджались губы. Больше матери уже можно было ничего не говорить. Одного тягостного вздоха и снова повисшего вслед за ним молчания было довольно, чтобы он тут же привычно ощутил вгрызающееся куда-то в солнечное сплетение чувство вины. Расстроил мамочку, недостаточно оперативно пришел на помощь, дал ей на мгновение ощутить себя одинокой и никому не нужной. Черт возьми!

Сдавленно рыкнув, Беркант сдался:

– Хорошо, мама. Продиктуй мне название аукциона, я погуглю их контакты и все узнаю.

– Было бы прекрасно, если бы ты лично проконтролировал их и сам привез мне картину, – добавила мать, сообщив ему нужную информацию.

– Ладно, – безропотно согласился Беркант. – Я сделаю. Только не волнуйся, мам.

Затем он дал наконец отбой, отложил мобильник обратно на тумбочку и попытался снова заползти с головой в подушки.

Рядом под одеялом что-то заворочалось, и сонный женский голос произнес:

– Который час?

Беркант, уже начавший проваливаться обратно в блаженное забытие, вздрогнул, снова открыл глаза и ошалело уставился на обнаружившуюся у него в постели соседку. Та сидела в подушках, приглаживала встрепанные рыжеватые волосы и улыбалась, глядя на него выжидательно. Беркант прикинул про себя вероятные объяснения появления у него в постели утренней гостьи. По всему выходило, что вряд ли девушка могла пробраться к нему через балкон или выскочить напрямиком из его недавнего кошмара. Вероятнее всего, он все же притащил ее сюда сам, ночью.

Беркант попробовал вспомнить, где был вчера вечером, надеясь, что это сможет как-нибудь объяснить, откуда взялась девица. Дать хотя бы наводку. Кажется, была какая-то вечеринка. Много вина, гашиша... Слишком громкая музыка... Потом кто-то заявил, что нужно срочно ехать в клуб «Slope», потому что там именно сегодня вечером... А что? Что там такое уникальное происходило? Выступал, что ли, кто-то?

Все эти разрозненные воспоминания нисколько не проливали света на ситуацию. Рыжая меж тем продолжала лыбиться и строить Берканту глазки. Снова нырнув в смутные яркие воспоминания вчерашней ночи, он наконец вспомнил девичий голос, с придыханием восклицающий:

– Ты же Беркант Брегович? Я твоя огромная поклонница. Все фильмы с тобой видела. Скажи, пожалуйста, а как ты считаешь, Хазал и Вурал из «Черного алмаза» потом будут вместе?

Ага, вот оно что. Фанатка. Так понятнее. Ситуация немного прояснилась, и Беркант почувствовал, как на него накатило облегчение. С фанаткой можно было не церемониться. Хуже было бы, если б незнакомка оказалась какой-нибудь актрисой, певичкой или сотрудницей кинокомпании. С этими потом еще, не дай бог, пересечешься на съемочной площадке, начнут влажные взгляды, томные вздохи... На черта ему такое счастье!

– Так сколько времени? – переспросила рыжая и игриво склонила голову к плечу, видимо, считая, что выглядит совершенно очаровательно.

– Самое время отправляться домой, – отрезал Беркант и принялся выбирать из кровати.

Сколько раз он давал зарок выставлять этих дур сразу после секса, не позволять оставаться до утра. И опять та же история. Нужно уже, в конце концов, татуировку себе на руке сделать – с напоминанием.

– Домой? – ахнула девушка. – А... А завтрак? А...

– За углом продают булочки, – неопределенно махнул рукой в сторону балконной двери Беркант.

– Но как же... Ты... Ты вчера такое мне говорил, я думала...

– Подумай еще раз, – отрезал он и, обернув вокруг бедер простыню, направился в сторону ванной.

Мельком увидел в отражении висевшего на стене зеркала, что рыжая заморгала и, кажется, собралась заплакать. Да чтоб тебя!

Женских слез и причитаний Беркант не любил. Главным образом потому, что они действовали на нервы – пробуждали в душе какое-то неприятное скребущее сочувствие. А то и раскаяние. В общем, значительно все усложняли. Ему же просто нужно было избавиться от вчерашней случайной подружки. Желательно побыстрее и без лишних драм.

– Могу вызвать тебе такси, – добавил он, не оборачиваясь, но надеясь, что, получив такой бонус, девица раздумает плакать и соберется быстрее.

Та плакать действительно раздумала, но вместо этого внезапно разъярилась.

– В задницу себе засунь свое такси! – выкрикнула она, выскочила из постели и принялась поспешно собирать с пола и натягивать на себя разбросанные вчера, вероятно, в припадке страсти вещи.

Беркант задержался в дверях ванной комнаты и, привалившись плечом к дверному косяку, наблюдал, как рыжая, облачившись наконец в свои разноцветные тряпки, подхватила с тумбочки сумку и прошагала к выходу. Уже у двери она обернулась и ледяным тоном отчеканила:

– Правильно все про тебя пишут. Ты подонок!

– К сожалению, фанаток такие статьи почему-то не расхолаживают, – хохотнул в ответ Беркант.

Настроение у него заметно улучшилось. Рыжая перестала хлюпать носом и давить на жалость, то есть делать то, чего он не переносил, а стала злиться и поносить его – это был уже куда более приятный и даже развлекающий сценарий. А когда за ней захлопнулась дверь, день и вовсе показался не таким уж отвратительным.

Беркант принял душ, выпил кофе, проглотил обезболивающее – все это позволило привести в относительный порядок еще недавно нещадно гудевшую голову. Беркант, запахнувшись в халат, постоял несколько минут под висевшим на стене огромным фотографическим портретом, изображавшим его самого в лучшие годы. Сколько ему там было? Двадцать четыре? Двадцать пять? Точно он уже не помнил, но увеличенный до размеров картины черно-белый снимок точно отображал его совершенное в то время, исполненное редкой природной красоты лицо. Резкие скулы, четко очерченные, взлетающие к вискам брови, тронутые неведомой печалью прозрачные глаза, нервно стиснутые под острым подбородком руки... Теперь он не любил эту фотографию – слишком силен был контраст между тем нездешним созданием, что смотрело с нее, и этим вполне земным тридцатипятилетним не чуждым жизненных излишеств мужиком, которого каждое утро видел в зеркале. Давно нужно было ее снять, но все руки не доходили.

В мыслях относительно прояснилось, всплыло даже смутное воспоминание о том, что сегодня в полдень у него было какое-то дело. Поразмыслив немного, почесав в затылке и, наконец, перелистав ежедневник, Беркант выяснил, что у него была назначена встреча в офисе кинокомпании «Синс продакшн».

В этом месяце он должен был начать сниматься в историческом проекте, но в последний момент все развалилось. Продюсеры, отсмотрев пробы, в конце концов пришли к выводу, что на двадцатипятилетнего сына султанши он, Беркант, не тянет. Якобы, несмотря на тонкие черты лица и природную красоту, его возраст уже слишком заметен, не маскируется гримом. Беркант про себя решил, что бездарные члены киногоруппы просто не смогли на пробах правильно выставить свет и снять его с нужного ракурса, и зол был как черт. И тут ему вдруг позвонили с приглашением сыграть в очередном сериале про семейные разборки, где для него заготовлена была привычная роль отщепенца, изгоя семьи, обаятельного, ранимого, но дерзкого и неуступчивого невrastеника. Тупое, навязшее в зубах «мыло»... Фильм этот еще на стадии подготовки обрел в киношных кругах славу «несчастливой картины». Продюсер сериала – Озервли Хусейн – уже как-то работал с Беркантом, там у них вышло недопонимание, и Бреговича он откровенно невлюбил. Потому и не позвал изначально в очередной свой шедевр, взял на роль обаятельного невротика молодого актера, смазливового, как картинка, и по юности еще очень покладистого. Да вот поди ж ты, какая незадача вышла – с горем пополам отсняли пять съемочных дней, и тут выяснилось, что мальчишка не справляется. Ну недостаточно, оказывается, для съемок, пусть даже в «мыле», всего лишь хорошенькой физиономии.

Тут, конечно, продюсер переступил через себя и бросился в ножки Берканту – спаси, помоги, никто, кроме тебя, не вытянет эту роль. Понял, значит, что Брегович – пускай и славящийся вздорным характером, и порядком растерявший былую красоту, все же лучше на все согласной очаровательной пустышки. Спихнулся, ага.

Пять лет назад Беркант, конечно, отказался бы. Еще и помучил бы продюсера, помурыжил, заставляя обивать пороги, а потом жестко послал. Но теперь... Долги по кредитам росли как на дрожжах, работы не было... А эта семейная тягомотина – все же дело, деньги, в конце концов, обожание таких вот восторженных идиоток вроде его ночной гостьи. В общем, съездить на встречу стоило. А вот торопиться и являться на киностудию ровно к назначенному времени не было никакой необходимости. Пускай понервничают, подергаются. Тем больше будут ценить его согласие. Им и без того сильно повезет, если актер такого масштаба, как он, согласится сняться в их банальной семейной саге. Так что пусть не расслабляются. Заодно, не выказав лишней заинтересованности, можно будет выторговать себе особо выгодные условия.

* * *

Собираясь на встречу с представителями «Синс продакшн», Беркант оделся с этакой стильной небрежностью и взбил перед зеркалом волосы, стараясь уложить их в подобие творческого беспорядка. Глупо, конечно. Стараться ради какой-то второсортной мыльной оперы. Да они по гроб жизни должны быть благодарны за то, что он в принципе согласился с ними разговаривать. И все же, все же...

Глядя в окно проползавшего по запруженным стамбульским улицам такси, Беркант все больше мрачнел. Не так, не так представлял он в юности себя в тридцать пять. Не таким грезилося ему будущее. Свою первую роль он сыграл в четырнадцать – мамочка узнала где-то о проходящих кинопробах и едва не за шкуру притащила его на съемочную площадку. Сам он ни о какой киношной карьере не мечтал, но перечить мамуле, вбившей себе что-то в голову, было чревато. Впрочем, пробоваться на роль младшего брата главного героя, мальчика, страдающего расстройством аутичного спектра, оказалось на удивление забавно. Беркант вспомнил соседского мальчишку – тоже какого-то странного, не от мира сего, вечно подвергавшегося насмешкам других детей – и попросту скопировал его повадки перед камерой. И внезапно выстрелило! Он сам не понял, как это сделал, но на глазах смотревших на него людей были слезы, настоящие слезы! В итоге Беркант получил роль, а мамочка – возможность мелькать на обложках журналов в обнимку с гениальным сыночком и давать интервью о том, как ей удалось вырастить талантливейшего ребенка турецкого кинематографа.

Сниматься Берканту понравилось. Первое время, правда, он совершенно не умел управлять открывшимся у него даром, действовал чисто интуитивно, много еще не понимал. Но продюсеры, замороженные данной ему природой поразительной внешней красотой и талантом, все равно приглашали его. Позже он, конечно, пошел учиться, окончил «Мармара Синан Университи», разобрался... Педагоги, рвавшие с ним работать, ставить отрывки, молодые режиссеры, бившиеся за право заполучить его в свой артхаусный шедевр, прочили ему великое будущее, называли новым Малькольмом Макдауэллом... В какой момент все пошло не так? Когда в его жизни расцвел буйным цветом турецкий сериальный ситком-кинематограф? И кто в этом виноват? Саадет, вечно промывавшая ему мозги на тему творческой свободы и того, как это недостойно для гения – прогибаться под требования ремесленников от искусства? Или мамочка, жаждавшая все больше и больше ярких афиш, шумихи в прессе и тратившая деньги с размахом, требовавшим самых крупных гонораров? Или озверевшие поклонницы, бившиеся в экстазе от вида его идеально красивой рожи? Или проклятые киношные бонзы, которым он чем-то там не угодил? Почему он, находящийся в самом расцвете лет, на пике творческой активности, не катит сейчас по Стамбулу в собственном «Порше Кайен»? А зады-

хается в пробке в этом проклятом желтом такси с неработающим кондиционером по пути на встречу с бездарными сериальными поденщиками?

Потому что деньги нужны, угрюмо ответил самому себе Беркант. Потому что долги по кредитам сами себя не выплатят. Потому что мамочка купила очередной шедевр очередного гениального начинающего художника. Потому что дилеру, поставляющему ему гашиш, уже два месяца не плачено, и он начал как-то нервничать по этому поводу. Потому что нельзя, чтобы имя его мелькало в прессе только в связи с новым загулом или очередными нелепыми судебными разборками со сто восемнадцатой любовницей. Этак он скоро перестанет быть интересен, его забудут, а напомнить о себе, за волосы вытащить из пропасти безвестности будет очень сложно. Проще не давать себе в нее упасть – притом любой ценой.

Такси наконец добралось до центра города, въехало в район Левент и подкатило к белому зданию постройки XIX века, где располагался офис «Синс продакшн». Беркант вышел из машины, поправил ремень на брюках и уверенной походкой, стараясь ничем не выдать, что голова все еще похмельно кружится и гудит, направился к дверям, у которых дежурил охранник в форме.

* * *

Проблем с контрактом не возникло. Ну, почти. Пришлось немного поторговаться, выбивая себе персональный трейлер и гримера. «Синс продакшн» не хотел брать на себя дополнительные расходы, но Беркант отчетливо дал им понять, что, если они желают, чтобы профессионал его уровня пришел к ним в проект и спас его от полного провала, придется раскошелиться.

– Мне нужно настраиваться на роль, – твердил он, свысока поглядывая на представителей кинокомпании. – Нужно место, чтобы я мог сосредоточиться, посидеть в тишине. Я не могу работать в сутолоке, когда все кругом постоянно говорят, дергают и отвлекают.

– Хорошо, мы выделим вам персональный трейлер, – наконец согласился продюсер.

– Отлично! – кивнул Беркант. – И я очень прошу, чтобы без стука ко мне не входили.

Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из руководителей проекта застал его с косяком между дублями. Нет уж, он хочет иметь возможность спокойно пропустить стакан вискаря или сделать пару тяг гашиша, не прячась, как школьник. И имеет на это полное право.

– И еще, – добавил Беркант, подумав. – Вы видели в моем контракте особый пункт? Мои партнеры должны приходить на площадку с выученным текстом. Иначе я работать не могу, они будут меня сбивать.

Беркант отлично представлял себе, кого понабрали в группу эти сериальщики. Наверняка там в полном объеме представлены инстаграмные дивы, медийные рожи и прочие не имеющие никакого отношения к важнейшему из искусств личности, задача которых привлечь к проекту внимание своих поклонников. Ну так и пусть скажут спасибо, что их вообще допустили до съемок, и постараются не мешать работать настоящим актерам.

В конце концов представители «Синс продакшн» согласились на его условия, и бумаги он все-таки подписал. Деньги действительно были нужны очень и очень. А роль виделась Берканту довольно интересной. И несложной – неврастеников и психопатов он за свою творческую жизнь переиграл сотни. Съемки должны были стартовать через несколько дней, и Беркант, обязавшись быть на студии в нужное время, отбыл из «Синс продакшн» решать проблемы с материнской картиной.

Вот здесь все оказалось не так просто. Выяснилось, что мать, во-первых, не оплатила покупку сразу, во-вторых, как-то неточно назвала адрес. Беркант, медленно зверея, обзванивал устроителей аукциона, контрагентов, отвечающих за доставку, галерею, где картина выставлась до начала торгов... В итоге все-таки съездил сам, проследил, чтобы уникальный арт-объект был доставлен мамочке лично в руки. Та, впрочем, никакого восторга по поводу его рве-

ния не выказала. Когда Беркант вошел в дом, неся на вытянутых руках упакованную картину, маман, сидевшая на диване с книгой, едва обернулась в его сторону.

– Куда нести? – спросил он.

И матушка раздраженно отмахнулась:

– Ах, ну поставь там где-нибудь...

Похоже за несколько часов, прошедших с утреннего разговора, она уже совершенно утратила к картине интерес.

Беркант попытался было поиронизировать на тему того, что даже спасибо за свои труды не получил. И тут же нарвался на очередную драматическую сцену от несостоявшейся актрисы больших и малых театров. Маман, трагически вздыхая, холодно заявила, что у нее расшалились нервы, что доктор прописал ей полный покой, и Беркант, будь он внимательным сыном, а не невоспитанным эгоистичным выскочкой, сам бы взял на себя все ее бытовые проблемы и решал бы их тихо и деликатно. Ей же приходится сначала молить его о помощи, а затем выслушивать недовольство...

Беркант с детства привык, что во всех материнских неурядицах оказывался виноват именно он. А потому, мысленно выматерив себя за то, что не промолчал, а для чего-то полез со своим сарказмом, стойчески выслушал все упреки матери, а потом еще несколько часов утешал, увещевал и успокаивал расстроенную диву.

Когда он наконец уехал от нее, над городом уже раскинула крылья ночь. Темная, повесенному прохладная, пахнувшая пряностями и морем. Выпить после утомительного дня хотелось нещадно. А еще лучше – уединиться где-нибудь с самокруткой, набитой хорошей порцией крепкого гашиша. Уходить в отрыв перед стартом съемок, конечно, не стоило... С другой стороны, впереди было еще пять дней...

В конце концов, рассудив, что немного расслабиться ему не помешает, Беркант поймал такси и продиктовал водителю адрес любимого бара «Corridor», этакого небольшого, не особенно шумного заведения, куда обычно не добирались громкоголосые туристы.

Свет в баре был красноватый, теплыми бликами ложился на декоративно-грубые бурые кирпичные стены. На развешанных тут и там плоских экранах беззвучно крутились новейшие музыкальные клипы. Из колонок же лилась тихая ненавязчивая музыка. Деревянные столики, расположенные в уютных нишах, так и манили угнездиться за ними в теплой компании. Но к ним Беркант не пошел, обосновался у стойки.

Он как раз цедил из бокала вино, смакуя глубокий терпкий вкус на кончике языка, когда дверь за спиной хлопнула и у входа послышались звонкие голоса. Беркант поморщился. День и так выдался раздражающе людным, и соседства веселых компаний сегодня вечером ему не хотелось совершенно. К счастью, новые посетители к стойке не пошли, оккупировали один из дальних столиков. Скосив глаза, Беркант разглядел троих парней в черной коже. На локте одного из них болтался мотоциклетный шлем. Четвертой в компании была женщина. Эта показала Берканту самой тихой. Но вела она себя так не оттого, что робела в мужской компании. Нет, сразу было видно, что если перед кем в этой группе терялись и, возможно, заискивали, так это как раз перед ней. Просто, видимо, у этой бабы не было необходимости повышать голос, чтобы быть услышанной, каждому ее слову внимали и так.

Беркант продолжал все так же исподтишка смотреть на рассаживающуюся у столика компанию. Видел, как один из парней отпустил какую-то шутку, два других загоготали было, но тут же взглянули на женщину, видимо, ожидая ее реакции и одобрения. Женщина же дернула уголком рта и сказала что-то короткое и хлесткое, после чего шутник тут же стушевался и устыдился в винную карту. А его спутница подняла голову и, не утруждая себя лишними движениями, окриками, умудрилась как-то одним ясным пристальным взглядом подозвать официанта.

У Берканта что-то дернулось и предвкушающее заныло в груди. Еще не осознавая собственных намерений, он весь подтянулся, расправил плечи и словно бы мгновенно переключился

чился в боевой режим. Черт его знает почему, но такие сильные, властные, уверенные в себе женщины всегда притягивали его словно магнитом. Ужасно хотелось подобраться поближе, рассмотреть такую, как сложную головоломку, определить, в чем же ее секрет, как работает этот хитрый механизм, что прячет внутри. Если же удавалось заставить подобную женщину сбросить маску, стать в его руках нежной, послушной и уязвимой, это можно было считать полной победой. Изысканным, ни с чем более не сравнимым удовольствием.

Его психоаналитик... Беркант, как любая модная знаменитость, разумеется, посещал какое-то время психоаналитика и любил в интервью козырнуть жалобами на расшатанные нервы и так и не побежденную депрессию. Правда, через пару месяцев сеансов таскаться в уютный кабинет и беседовать с унылой очкастой дылдой о своем детстве ему надоело. Так вот, его психоаналитика эта тема почему-то сильно интересовала. Она что-то такое твердила про властную мать, внимание которой в детстве ему еще нужно было заслужить, про первый любовный опыт, про незакрытый гештальт, заставляющий Берканта снова и снова возвращаться к одному сценарию в отношениях... Он, если честно, не особенно вслушивался в ее слова, втайне полагая, что все с ним, конечно же, в порядке. А то, что его тянет к стервозным сукам, – ну так что же, у каждого свой вкус. Жизнь ему это маленькое пристрастие, в общем, не осложняет.

Беркант понаблюдав еще немного за женщиной, затем обернулся к бармену, деловито протиравшему полотенцем пивные кружки.

– Знаешь ее?

– Кого? – уточнил тот. Проследил за его взглядом и усмехнулся в этакую свойственной всем ушлым барменам всезнающей манере. – А, это София...

– Часто тут бывает? – продолжил выяснять информацию Беркант.

– Не то чтобы. Но так, заходит иногда с друзьями. Они вроде экстремальщики... Уличные гонки или что-то в этом роде.

– Экстремальщики... – присвистнул Беркант.

Что ж, это вполне вписывалось в сложившийся у него в голове образ. Дерзкая отвязная пацанка верхом на мотоцикле или за рулем ревущего болида. Мм-м... Интересно!

– Она ведь не местная? – на всякий случай уточнил он.

– Не турчанка точно, – подтвердил бармен. – Может, американка или немка... Точно не знаю, она не особенно общительная. А что, – он подмигнул Берканту, – ты уже, я вижу, нацелился?

– Занимайся своим делом! – отбрил Беркант и соскочил с барного стула.

Всю необходимую информацию он уже получил, а откровенничать с барменом не собирався. Не того полета птица.

Беркант несколько раз прошелся мимо стола, за которым обосновалась компания. Один раз даже невзначай задел сидевшего напротив женщины парня локтем и извинился. Обычно такая политика срабатывала безотказно. На него обращали внимание, узнавали, начинали зазывать за стол, просить автограф, ну или, по крайней мере, за дальнейшими его действиями наблюдали уже с интересом. Сейчас же привлекавшая его внимание экстремалка даже не повернула головы в его сторону, занятая разговором.

Нужно было переходить к более решительным действиям. Однако обращаться к женщине при ее спутниках Берканту не хотелось. Он еще некоторое время послонялся по бару, выждал момент, когда незнакомка поднялась из-за стола и выскользнула в коридорчик, где находилась уборная, метнулся вслед за ней и занял выгодную позицию у арки, ведущей из коридорчика обратно в зал. Через несколько минут дверь уборной хлопнула, Беркант услышал за своей спиной уверенные шаги и, дождавшись, пока женщина поравняется с ним, негромко окликнул:

– София!

Он ждал, что она удивится, начнет выпрашивать, откуда он знает ее имя. Может быть, возмутится или рассмеется. Но вышло не так. Женщина обернулась на голос, встретилась с

ним глазами и вдруг, он готов был поклясться в этом, резко переменялась в лице и побледнела. Это вовсе не было похоже на изумление: «О боже, передо мной известный актер!», или на озадаченность: «Где-то я видела это лицо, но не могу вспомнить где», или на растерянность: «Кто этот мужчина и откуда он знает мое имя?». Женщина смотрела на него так, словно знала его, знала давно, но много лет не видела и уже отчаялась когда-нибудь повстречаться вновь. Между бровями ее пролегла тонкая морщинка, губы чуть приоткрылись, остановившийся взгляд, казалось, прожигал Берканта насквозь.

От всего этого его как-то... пробрало. Что-то больно заныло в груди, захлестнула мутная тоска – по чему-то несбывшемуся, упущенному, по жизни, что так много обещала и не сбылась. И Беркант поразился охватившим его чувствам. Ничего подобного, подкатывая к незнакомой женщине в баре, он никогда не испытывал. Ему стало неуютно и как-то... страшно, что ли. Нужно было по-быстрому разобраться с этим, непонятным, вывести ситуацию на привычные рельсы.

Английский у него был достаточно неплохой – беглый, разговорный. Матушка в свое время не поскупилась на образование – по большей части ради того, чтобы потом кичиться своим приобретшим европейский лоск сыном. Правда, избавиться от певучего турецкого акцента так и не удалось, но в жизни ему это особо не мешало. Теперь же, вспомнив слова бармена о том, что экстремалка точно не местная, он обратился к ней по-английски:

– Я весь вечер смотрю на вас... и думаю...

Но женщина, не дослушав, перебила его, шагнула ближе и требовательно, почти грубо спросила:

– Как вас зовут?

Ясно. Он и не предполагал, что подобную оторопь могла вызвать случайная встреча со знакомым актером, и, конечно, оказался прав. Эта самая София его не узнала. А может, вообще не знала. Судя по ее волевому, сильному, жесткому лицу, она не была из тех женщин, что увлекаются сериалами. Но ведь оставались еще те прогремевшие фильмы, в которых он снимался в юности... В тех она могла бы его видеть – глаза у экстремалки были умные, цепкие, можно было предположить, что подкована она неплохо и в современном искусстве должна разбираться. Если, конечно, оно в принципе интересует ее – современное искусство. Может, она вообще со своего мотоцикла никогда не слезает.

– Беркант, – представился он и, торопясь взять ситуацию под контроль, быстро добавил: – Вижу, у вас тоже появилось это ощущение, правда? Такое чувство, будто мы когда-то встречались...

Женщина не ответила, все продолжала смотреть на него пристально и неотрывно. Только в лице ее что-то дрогнуло и захлопнулось. Будто бы она, на секунду выбитая из колеи, уже взяла себя в руки, усилием воли заставила успокоиться. Берканта, однако, это мгновенно мелькнувшее в ее глазах выражение некой затаенной боли, смятения раздражило не на шутку. Он уже чувствовал, что пойдет на что угодно, лишь бы увидеть его снова.

– Не хочу показаться бестактным, – снова заговорил он, – но здесь, по-моему, не лучшее место для продолжения знакомства. Если вы в этом продолжении заинтересованы, как и я, я предложил бы вам переместиться куда-нибудь. Вы ведь откуда-то приехали, верно? Из Соединенных Штатов?

– Нет, – коротко ответила София.

Но Берканта это не остановило:

– Я неплохо знаю ночную жизнь Стамбула и мог бы...

– Хорошо, я поеду с вами, – снова перебила София.

Беркант, не рассчитывавший на такую легкую победу, поначалу опешил, заморгал, но быстро нашелся.

– Вот так вот просто? – тонко улыбнулся он и поиграл бровями. – Даже не спросите, куда я вас приглашаю?

– Все равно, – повела плечом София.

Окинула его цепким взглядом, и Беркант невольно поежился под ним. Создавалось стойкое ощущение, что она видит его насквозь, каким-то адским чутьем считывает все его мысли. И словно для того, чтобы усилить его оторопь, женщина мягко улыбнулась и произнесла вкрадчиво:

– Не нужно так нервничать. Я поеду с вами. Куда угодно.

3

...Двадцать пять лет я искала тебя повсюду – в отражении в зеркалах, в мимолетных взглядах, в лицах случайных попутчиков в салоне бизнес-класса. Мой маленький братик, мой Боренька... Я была уверена, что найду тебя, ведь ты – это часть меня, самая лучшая часть. Ты – это то, чем я не смогла стать и не стану уже никогда. Годы шли, и в том лице, что я видела в зеркале, в моем отражении, все меньше становилось тебя, Борис, все чаще я видела совсем другое существо. У него не было совести, не было особой морали, оно никого не любило и не желало впускать в свою жизнь. Я перестала быть тобой, мой брат, и, хотя я по-прежнему ждала тебя, тщательно скрывая это ожидание от других, пустых и никчемных людей, за двадцать пять лет изменилось не только мое тело, безвозвратно изменилась и заблудилась во времени моя душа. И все же парадоксально, но я продолжала верить, что однажды ты появишься и поможешь мне вернуться к себе самой, поможешь вспомнить то, какой я была когда-то.

Знаешь, это было волнующе и страшно – увидеть перед собой твое лицо, то, каким я представляла его все это время. Услышать голос, имя... так похожее на твое и все-таки чужое. Конечно, жестокая насмешница жизнь не могла вернуть мне тебя в первозданном виде, ей нужно было загадать мне очередную загадку, заставить проходить запутанный квест. Но главного ей спрятать не удалось. Я взглянула ему в глаза и узнала их. Узнала твой взгляд – чуть замкнутый, чуть заносчивый, но всегда исполненный затаенной боли. Я узнала его – и это определило все.

Столько лет я ждала тебя, Борис, столько лет втайне надеялась на возможную встречу. И вот она состоялась – и я поняла, что большего мне не нужно, теперь я приму и выдержу все...

– Дай руку, – попросил Беркант.

– Зачем?

– Я немного умею гадать по ладони. Одна... старая знакомая научила. Вот сейчас я взгляну на линии у тебя на руке и пойму про тебя все.

И София, ни секунды не сомневаясь, протянула ему руку, вздрогнула, ощутив прикосновение к ладони его горячих пальцев.

Ночь уже меркла, бледнела, готовилась сдаться на милость утру. Долгая-долгая ночь, которую они провели вместе...

С самой встречи в баре София находилась в каком-то странном состоянии. Оно было похоже на эйфорию, охватывающую ее перед очередным опасным трюком, – все органы чувств как будто работали вдвое, а то и втрое мощнее, чем обычно, каждое ощущение становилось острее, почти на грани выносимого – прикосновение дующего с Босфора ветра к разгоряченной коже, звучащий в ушах бархатный голос Берканта, волнение, теснившее грудь. Только перед трюком такое длилось несколько секунд, может, минуту, а сейчас растянулось на часы и часы.

Она не запомнила все заведения, в которых они побывали, все улицы и переулки, по которым прошли. Потому что это было не важно. Декорации могли сменяться как угодно, статисты могли появляться и исчезать, оставаясь незамеченными. Главным было то, что Беркант был рядом – шел с ней, плечом к плечу, сидел напротив в баре. Он много говорил – сыпал какими-то байками из творческой тусовки, запутанными умозаключениями, броскими фразами. Рисовался, интересничал – сразу определила София. В любом другом человеке подоб-

ное позерство оттолкнуло бы ее, насмешило, но не в нем. Наоборот, эти откровенные попытки понравиться тронули ее, пробудили в душе смутную нежность.

Она теперь уже знала, что дедушка и бабушка Берканта были родом из Боснии. Что благодаря отцу Берканта, человеку, обладающему хорошей деловой хваткой, семья перебралась в Стамбул. Правда, тот вскоре умер, оставив вдове и сыну небольшое состояние. Однако мать Берканта, женщина властная и самолюбивая, дала ему прекрасное образование. Что сейчас Беркант – известный актер, и бары и улицы ему приходится выбирать осторожно, дабы не натолкнуться на восторженных поклонниц.

Слушая его, София не раз уже мысленно пожалела о том, что никогда не интересовалась кино, не находила на него времени, да и смысла особенного не видела в том, чтобы тратить драгоценные часы жизни на перипетии судеб людей, которых никогда не существовало. Если бы она относилась к этому виду искусства по-другому, возможно, она увидела бы Берканта уже давно. И, конечно, нашла бы способ все о нем выяснить, найти, организовать встречу... Но, может быть, это зачем-то нужно было, чтобы они встретились вот так? София не любила полагаться на судьбу, всегда считала, что чей-то там чужой, пускай даже и высший, замысел, некое таинственное предопределение вовсе не обязывает ее терпеливо ждать нужного часа или покорно следовать навязанной воле. Она сама была властелином своей судьбы и сама решала, что и когда должно в ней случиться. Однако в этот раз все было иначе. В этот раз, возможно, она сама должна была пройти долгий путь, чтобы заслужить эту встречу.

Беркант много рассказывал о своей работе, называл фильмы, в которых снимался, фамилии знаменитостей, с которыми ему довелось пересекаться на съемочной площадке или театральных подмостках. Но от Софии, виртуозно умевшей отсекай лишнее в речи собеседника и проникать в самую суть вещей, не укрылось, что о ранних своих ролях он упоминал куда охотнее, чем о последних. А увлеченнее всего говорил о творческих планах и мечтах.

– Я всегда мечтал сыграть Ричарда Третьего, – горячо говорил Беркант, когда они, уставшие от бесконечных баров и клубов, медленно брели по набережной Бешекташа в сторону Истикляль.

Город спал. В темноте подрагивали и расплывались неоновые вывески уже закрытых ресторанов. Впереди едва виднелись очертания дворца последнего турецкого султана. Ночное море было беспокойно, злилось, волновалось, сердито шипело, покусывая прибрежные камни. На крыше одного из домов тревожно вскрикивала и плакала зачем-то пробудившаяся в такую темень чайка.

– Это моя роль, понимаешь, моя! Как будто специально под меня написанная. Я бы сначала показал всю его гнусность, всю мерзость. Вывернул бы наизнанку всю его душу.

Беркант говорил воодушевленно, восторженно, как ребенок, живописующий какой-то особенный мячик, который хотел бы получить на день рождения. И София невольно улыбалась в ответ. Хотелось протянуть руку, погладить его по уже тронутой щетиной щеке, сказать:

– Ну откуда в тебе гнусность? Откуда мерзость, бедный ты мой заблудившийся мальчик.

Конечно, ничего подобного она не сделала, просто продолжала слушать его монолог.

– А затем я бы перевернул все с ног на голову. Показал бы зрителю, что Ричард – не какой-то законченный злодей и садист, получающий удовольствие от убийств и казней. Он всего лишь несчастный запутавшийся человек, оказавшийся в обстоятельствах, где у него не было другого выхода. Либо погибнуть самому, либо пойти по головам. И он сделал свой выбор – но с каждым новым убийством гибнет и часть его самого.

– Выходит, он сделал неверный выбор? Нужно было погибнуть? – с сомнением спросила София. – По-твоему, кто-то вообще способен был в этой ситуации выбрать собственную смерть?

– Я не знаю – Беркант на секунду остановился и прикрыл рукой глаза.

Поза, разумеется, была театральная, тщательно выверенная. Но от Софии не укрылось, как мелко подрагивают его пальцы, как неестественно вывернута, словно изломана рука. Создавалось ощущение, что маска лицедея и притворщика настолько приросла к нему, что он сам уже не знает, когда говорит искренне, а когда актерствует. Хуже того, он даже в искренних порывах не обходится без актерства, просто потому что не умеет иначе выражать чувства. И снова ей, осознавшей это, захотелось обнять его, прижать к себе, дать понять, что с ней ему не нужно ничего из себя изображать...

– Легко выбирать, когда речь идет о жизни кого-то близкого, любимого. Тут и через себя не придется переступать, ты с радостью отдашь свою жизнь за него. Но что, если на карту поставлено существование какого-то чужого, случайного человека? Он тебе никто, да и человечинка-то из него не ахти какой. Переступишь через него – и заживешь себе лучше прежнего. Если сможешь, конечно. Если тебя не сведет в могилу чувство вины, бесконечные сожаления о содеянном, бесконечные мысли о том, как все могло бы сложиться, если бы ты не совершил свой преступный выбор...

София передернула плечами – то ли от холода, то ли от неизвестно откуда взявшейся странной тревоги. Что-то такое почудилось ей в этом разговоре – важное, пророческое. Словно эта невеста откуда возникшая тема могла стать определяющей для всего их знакомства...

В груди слева надсадно заныло, заболело так, что София, никогда в жизни всерьез не болевшая, презиравшая любые физические недомогания, вынуждена была сбавить шаг, остановиться, тяжело опереться локтями о каменный парапет.

– Что? – спросил Беркант, нависая над ней.

Она же мотнула головой, а затем протянула руку и все же нерешительно дотронулась кончиками пальцев до его лица, до твердой скулы, на которой подрагивал бледный отблеск фонаря.

– Ничего, просто... – через силу выговорила она. – Странно, что мы заговорили об этом. Согласись, это не самая распространенная тема для первого вечера знакомства.

– А ты не самая обыкновенная женщина, – тут же возразил Беркант. – К тому же мне кажется, я... чувствую тебя. Что, скажешь, эта тема никогда не приходила тебе в голову?

Он смотрел на нее, улыбаясь с этаким вызовом. Наверное, хотел показать, что раскусил ее, придумал, чем заинтересовать лихую экстремальщицу, которую уж точно нельзя было зацепить романтическими разговорами о звездах.

Софии не хотелось отвечать. Достаточно было просто любоваться склонившимся к ней мужчиной, которого природа наделила потрясающей красотой. Миндалевидными бархатными глазами теплого зеленого оттенка, высоким чистым лбом, аккуратными, словно кисточкой прорисованными бровями, точеными скулами, изысканно вылепленным подбородком, нервным подвижным ртом... Конечно, она видела и правки, которые в этот неземной образ внесла жизнь своим безжалостным стеклом, подобно тому как искусный скульптор доводит до идеала гладкое изваяние, внося в него свойственные реальности несовершенства. Мелкие тревожные морщинки – у глаз и вокруг рта, глубокие тени под глазами, взгляд – вроде бы с виду дерзкий, решительный, взгляд заправского соблазнителя, но ей, умеющей «считывать» людей, проникать им глубоко в душу, в нем упорно виделось что-то болезненное, неуверенное, жаждущее любви и принятия.

София никак не могла отвести от Берканта глаз. Вглядывалась в черты – такие знакомые и все же чужие. Пыталась понять, действительно ли перед ней был сейчас образ, который она столько лет видела в фантазиях, образ, который сама себе нарисовала, пытаясь представить, как мог бы выглядеть сейчас давно потерянный человек. Или она, повинаясь какому-то непонятному импульсу, потянулась всей душой к незнакомому мужчине, попутно подсознательно снабдив его дорогими чертами, поставив мысленно знак равенства между ним и тем силуэтом, что представлялся ей годами.

Так и не ответив на вопрос Берканта, София скользнула пальцами вниз по его скуле, и он, повернув голову, коснулся ее руки губами, словно обжег. Шепнул:

– Поедем ко мне?

София коротко усмехнулась и покачала головой. Поехать к нему? Нет, это было бы уже слишком. Она и так последние несколько часов чувствовала себя человеком с содранной кожей. Пожалуй, такого адреналинового шока даже ее натренированное дикими выходками сердце могло не перенести.

– Лучше пойдем дальше, холодно, – отозвалась она, оттолкнулась от гранитного парапета и зашагала вниз по набережной.

После, устав бродить по улицам, они добрались до площади Султана Ахмета и уселись на скамью. Вот тогда Беркант и взял ее за руку, начал сосредоточенно разглядывать ладонь, водя пальцем по линиям. София отстраненно понимала, что он всего лишь еще одним способом пытается ее заинтересовать, увлечь, заморочить голову и убедить поехать к нему. Но было в этих его ухватках бывшего донжуана и какое-то второе дно – как и во всем, что происходило между ними той ночью. Как и в его глазах, под поверхностной бравадой в которых так ощутимо сквозило одиночество и страх. Чего, чего он боялся, этот растерянный, рано постаревший мальчик, каким-то чудом умудрившийся принять вымечтанный ею образ Бориса, ее Бориса?..

Беркант склонился ниже к ее руке, посветил себе телефоном и, наконец, уверенно произнес:

– Видишь, у тебя линия ума достигает ребра ладони. Это говорит об упорстве и бесстрашии.

– Есть тот грех, – хмыкнула София.

– А линия сердца – четкая, прямая, ярко-красная. Это означает, что любовь у тебя будет только одна, зато очень сильная. И встретишь ты ее очень скоро, возможно, уже встретила...

На этих словах Беркант попытался заглянуть ей в глаза, наверное, как-нибудь там с намерением поиграть бровями. Но София отвернулась и резко оборвала его:

– Ты гадаешь, прямо как заправская цыганка. Вижу, красавица, тебе мужа-военного да дом богатый. Ай, позолоти ручку. Давай что-нибудь более оригинальное.

– Хорошо, – не растерялся Беркант, перехватил ее руку повыше, закатал рукав куртки, наткнулся на часы, рассмотрел их с интересом, но затем тоже сдвинул выше и провел пальцем по линии, обхватывающей запястье Софии. – Вот здесь у тебя четыре «браслета» – видишь, четыре линии опоясывают запястье? Это означает, что ты долгожитель, доживешь лет до ста.

– Это вряд ли, – рассмеялась София. – Не с моими увлечениями.

– А еще, – продолжал Беркант, – я вижу, что детство у тебя было очень счастливое. Что родители любили тебя и баловали...

– Это все ты у меня на ладони разглядел? – сухо зато спросила София, отнимая у него руку.

– Нет, я сужу по тому, каким человеком ты стала – сильным, уверенным в себе...

– Психолог из тебя не лучше, чем гадалка, – хмыкнула София. – Знай же, что моя мать умерла, когда мне было двенадцать. И воспитывал меня отец...

– Прости... – искренне повинился Беркант. И, желая загладить оплошность, тут же добавил: – Но он-то наверняка тебя баловал, особенно после смерти жены. Заботился...

– Ну как сказать, – усмехнулась София. – У него были своеобразные понятия о заботе. Например, я в детстве боялась высоты. Однажды он потащил меня в горы, в поход, привел к провалу, перебраться через который можно было только по поваленному бревну, и бросил там, у края. Сам перемахнул на другую сторону. Я умоляла его помочь мне, дать руку. А он стоял на той стороне и смеялся надо мной, обзывал трусихой и плаксой.

– И что ты? – нахмурившись, спросил Беркант.

– Перешла, – дернула плечами София. – Очень уж хотелось расцарапать его глумливую рожу.

Беркант покровительственно обхватил ее рукой за плечи, и в глазах его Софии почудилось промелькнувшее торжество. Должно быть, решил, что нащупал наконец ее слабость, развел на откровенный разговор. Что теперь-то она уже не оттолкнет его, раз вот так доверилась...

– Бедная девочка, – шепнул он и уткнулся лицом ей в волосы.

Но София вывернулась и коротко рассмеялась:

– Эй, я не жалуюсь, я хвастаюсь. Я обожала отца, эту дикую, безжалостную и несгибаемую сволочь. С его девизом «все, что нас не убивает, делает нас сильнее».

– Обожала? – спросил Беркант.

– Да, он тоже уже умер. Погиб два года назад, разбился на своем любимом мотоцикле. Видишь, я прямо-таки классическая героиня душещипательной драмы «Все, кого ты любишь, почему-то гибнут»... Может, это я приношу своим близким несчастья, как думаешь? – поддразнила София.

Она видела, что Берканта пробрало, что на секунду в глазах его промелькнул испуг. Конечно, он тут же взял себя в руки и, пытаясь не выйти из роли опытного ловеласа, прошептал, подпустив в голос бархатистой хрипотцы:

– Не верю.

А София с металлическим смешком отозвалась:

– Зря!

Бог его знает, что за странные чувства он у нее вызывал. Его хотелось то дразнить, то жалеть и успокаивать. Обещать, что все непременно будет хорошо, и тут же пугать вовремя брошенной многозначительной фразой. Во всем этом определенно нужно было разобраться.

Беркант хмыкнул, вытащил из кармана куртки бутылку вина, которую они прихватили по дороге и, запрокинув голову, сделал несколько глотков. Он начинал злиться, София чувствовала это тем самым животным внутренним чутьем, что всегда позволяло ей улавливать настроение и эмоциональный фон людей. Заговорив с ней, он, должно быть, рассчитывал на короткое яркое приключение, одну сумасшедшую ночь, которая вскоре уйдет, оставив после себя приятное послевкусие. Выходило же что-то совсем другое. Эти беспорядочные шатания по пустынным улицам, взгляды, от которых становится тревожно, разговоры, болезненно цепляющие что-то внутри, тягостная маета, бесплодная, ни к чему не приводящая, разорвать которую, однако, почему-то не хватает решимости.

Она искоса взглянула на Берканта. Тот сейчас напоминал обиженного мальчишку. Сидел, нахохлившись, прикусив полную нижнюю губу, и смотрел в сторону, машинально барабанил кончиками пальцев по круглому боку бутылки. И София задумалась вдруг: что заставляло его ходить за ней всю ночь? Ведь он был здесь известным актером, мог, убедившись, что с ней просто не будет, тут же развернуться и снять любую из жаждущих его внимания фанаток. Однако же он упорно следовал за ней, словно растерянный ребенок, цепляющийся за руку старшей сестры. Которая, возможно, напугана ничуть не меньше его самого, но никогда не позволит себе выдать это, показать свою слабость и подвести младшего. Лучше уж терпеть ее подколки и насмешки, зато точно знать, что с ней ты будешь в безопасности.

Бедный, бедный запутавшийся мальчик. Так привыкший к поклонению и сбитый с толку тем, что привычные схемы не работают. Должно быть, ему очень страшно сейчас, он ведь так держится за эту свою неотразимость, так дорожит ею – как важнейшим признаком того, что он контролирует свою жизнь, не сдается на милость хаосу. А она внезапно дала сбой, не подействовала на эту странную русскую. Впрочем, он ведь так и не спросил, откуда София родом...

Повинуясь порыву, она протянула руку и потрепала Берканта по волосам. Тот обиженно дернул плечом, но руку ее не сбросил, наоборот, потерся о подставленную ладонь виском, как кот.

– Скоро рассвет, – произнесла София и вытянула гудевшие от долгой ходьбы ноги. – Нужно разъезжаться по домам.

Беркант же вдруг ухватил ее за рукав и заговорил:

– Нет, нет, не уходи пока. В такой час нельзя расставаться.

– В какой час? – не поняла София.

– В этот. Я ненавижу последний час перед рассветом, – вдруг признался он.

Голос его звучал глухо, слова и звуки расползались в разные стороны. Должно быть, от усталости он опьянел сильнее, чем рассчитывал. А может быть, тут сказывались годы употребления. София ведь прекрасно знала, что означают такие вот тяжелые, набрякшие под глазами морщинки.

Так или иначе, очередное его актерство, загадочная речь, задачей которой было произвести на Софию впечатление, внезапно вышла пугающе искренней, пробирающей до костей. Вцепившись в ее рукав, округлив глаза, как ребенок, рассказывающий сверстнице в темной комнате дворовую страшилку, Беркант бормотал:

– Это самый страшный час, сумеречный... Безвременье, которое никому не принадлежит, ни дню, ни ночи. Час, когда бал правят бесплотные призраки, когда исчезают все краски, уступая место пеплу и праху. В такой час может случиться что угодно, он как бы не существует, выпадает из истории, не укладывается в канву... Призрачный морок тянет к тебе свои пальцы, мечтает добраться и утащить за собой в небытие... Но если ты не поддашься, если переживешь этот час и увидишь первые лучи солнца, то все, можешь считать, что победил, ничего страшного с тобой уже не случится... До следующего предрассветного часа...

София не была уверена, что Беркант понимает, кому говорит все это. Но это было не важно. Она вдруг очень остро осознала, что оставить этого человека, незнакомца, глянувшего на нее знакомыми глазами, смутившего нафантазированным обликом давно потерянного брата, уже не сможет. Кем бы он ни был, каким бы он ни был...

– Я не уйду, не уйду... – мягким успокаивающим тоном произнесла она.

Нашарила в темноте руку Берканта, взяла ее в свои ладони и добавила:

– Давай теперь я тебе погадаю. – Она нежно погладила пальцами линии на ладони, прикоснулась к выступающим буграм, сложила их с Беркантом руки вместе, переплела пальцы и уверенно произнесла: – У тебя, Беркант, в жизни все сложится очень хорошо. Сумрак до тебя не доберется, ты увидишь солнце, и оно будет светить тебе всегда. Ты получишь роль Ричарда Третьего и сыграешь ее блестяще. Ты всегда будешь успешен, богат и доволен жизнью. Я обещаю это тебе, как самая честная в мире гадалка.

Беркант молча выслушал ее, а затем вдруг порывисто подался вперед и прижался губами к ее губам.

Поцелуй вышел странным, каким-то тревожным, отчаянным, болезненным, как и вся эта ночь. В груди будто лопнула туго натянутая струна, захотелось обнять этого чужого и в то же время удивительно родного мужчину, слиться с ним в единое целое. До сих пор София не испытывала ничего подобного. Разумеется, в жизни ее случались романы, и она подходила к ним так же рассудительно, отстраненно и трезво, как и к работе. Пожалуй, в работе было даже больше азарта, отношения же с мужчинами являлись всего лишь еще одним аспектом бытия, не слишком захватывающим, но привычным. София начинала их легко, стоило лишь новому знакомому вызвать ее интерес, и так же легко разрывала, не жалея, не мучаясь разбитыми мечтами – собственно, никаких мечтаний не было и вовсе, нечему было разбиваться. Никогда и ни с кем она не заводила длительных глубоких связей – не то чтобы принципиально, просто искренне не могла взять в толк, зачем бы ей это могло понадобиться. Своих временных партнеров она мгновенно забывала, как только проходил накал страсти, никогда даже не оставалась ни у кого на ночь, не представляя себе, зачем это нужно – просыпаться рядом с чужим чело-

веком. Мужчины приходят и уходят, сменяются, как декорации, по сути же она – одиночка и судьбу свою строит, рассчитывая только на себя, ни с кем не планируя совместное будущее.

Вместе с тем София никогда не сомневалась в своей привлекательности, знала, что умеет производить на мужчин впечатление, и, захоти она, вокруг нашлось бы немало желающих предложить ей руку и сердце. Иногда она даже отстраненно размышляла о том, что неплохо было бы выйти за сына такого-то бизнес-воротилы или наследника такой-то корпорации, чтобы впоследствии объединить активы и вывести собственное дело на еще более высокий уровень. Но только потом, позже, не сейчас, когда ее молодая, свободная, ни с кем не связанная жизнь полностью ее устраивает.

Теперь же все вдруг стало иначе. Подобное чувство близости, желание стать с кем-то одним существом было настолько новым и неизведанным, что ей, никогда и ничего не боявшейся, внезапно стало страшно. Страшно потерять этого человека, так сильно напоминавшего ей того, кого однажды она уже потеряла.

Отстранившись, она помолчала несколько секунд, тщетно стараясь выровнять дыхание и восстановить строгий порядок в мыслях и чувствах. Затем предложила, с удовлетворением отметив про себя, что голос не дрожит:

– Давай вернемся к бару, за мотоциклом. Потом подброшу тебя домой.

– Давай, – легко согласился Беркант. И, все так же не желая сдавать позиций, добавил с обаятельной улыбкой: – Только если ты потом останешься у меня.

Словно и не шептал только что отчаянно о своем страхе, словно уже забыл, как беспомощно цеплялся за рукав ее куртки. Сколько же ролей играл он одновременно и в какой из них был наиболее искренен? А может, во всех сразу?

Беркант снова попытался ее обнять, но София, покачав головой, поднялась со скамьи.

– Я не могу остаться. Тебе завтра на съемки. Ты сам говорил, помнишь?

– На какие съемки?.. – начал было Беркант, но тут же осекся, вспомнив, видимо, что сам, желая порисоваться, рассказывал ей, какой важный проект завтра у него стартует.

Он замолчал. София, не желая его смущать, отвернулась и увидела, как, рассекая тьму, из-за пологого купола собора выплывают первые лучи утренней зари, как, цепляясь за башенки минаретов, окрашивают они небо яркими – алыми, оранжевыми, багровыми – полосами, услышала, как утренний воздух – свежий, чистый, напоенный запахами моря и росы, – наполняют степенные глубокие звуки первого утреннего намаза.

Слева от них на пустынной в такой час улице мелькнул вдруг желтый огонек такси, и София, вскинув руку, бросилась ему едва не наперерез. Желание согласиться, сдаться, остаться этой ночью у Берканта было слишком сильным, она знала, что может не выдержать уговоров. А оставаться с ним сегодня было нельзя. Не из соображений ханжеской морали, нет. Подобные вещи всегда были ей чужды. Просто все эти захлестнувшие ее эмоции были слишком новыми, острыми, запутанными, и ей, привыкшей следовать порыву, никогда не раздумывать слишком долго, доверять интуиции, впервые в жизни захотелось не торопить события, дать себе и ему немного времени. Если то непонятное, неведомое, пугающее и пронзительно нежное не развееется с первыми солнечными лучами, как ночной морок, как побочный эффект вечернего адреналинового прихода, то времени у них еще будет предостаточно.

К тому моменту, как они добрались до стоянки возле бара, где встретились несколько часов назад, уже совсем рассвело, и улицы Стамбула теперь были пронизаны золотистыми солнечными лучами.

София на мгновение помедлила у мотоцикла, машинально провела рукой по полировке. Просто в голове не укладывалось, что совсем недавно, паркуя своего железного коня у бара, она и понятия не имела о том, что Беркант существует, живет на свете и, более того, находится совсем рядом с ней. Ей теперь казалось, что он был в ее жизни всегда. Впрочем, в каком-то смысле так и было.

Решительно тряхнув головой, она оседлала мотоцикл, завела мотор и скомандовала:
– Запрыгивай.

– Да ты прямо лихая амазонка, – усмехнулся тот.

Лицо его за ночь осунулось, ярче выступили круги под глазами, мелкие морщинки. Однако же таким он показался Софии еще ближе, роднее. Не нафантазированный образ, а живой человек, которого измотали несколько бессонных часов.

– Садись! – уже мягче попросила она.

И Беркант взобрался на сиденье, обхватил ее горячими руками со спины, прижался. София ударила по газам и вывела «Харлей» на проспект.

Это было странно – она ведь больше всего на свете любила лихачить, гнать по городу, захлебываясь бьющим в лицо ветром, чувствовать, как вскипает и бурлит в жилах кровь, кайфовать от испуганного визга своих случайных пассажиров. Сейчас же София вела мотоцикл медленно, осторожно, явно перестраховываясь даже там, где дорожная ситуация не сулила никакой опасности. Беречь кого-то, ощущать ответственность за него, бояться, как бы чего не случилось... Как давно она не испытывала ничего подобного!

– Куда тебя отвезти? – спросила она, не оборачиваясь.

И Беркант, подавшись ближе, назвал ей адрес. Его дыхание обожгло ухо и висок, по спине прокатились мурашки, и закололо под ложечкой. София свернула с проспекта на нужную улицу. Над головой, захлопав крыльями, пронеслась вспугнутая чайка. И вдруг над дремлющим городом потекли строгие густые звуки утреннего намаза. И, словно только того и дожидаясь, из-за горизонта показался оранжевый край солнца.

София остановила мотоцикл у жилого дома, в окнах которого сверкали и дробились на искры солнечные лучи. Беркант прыгнул на землю и опустил руку на ее лежавшую на руле ладонь.

– Мы ведь еще увидимся? – спросил он, требовательно заглядывая ей в глаза.

И ей снова, как вечером в баре, захотелось успокоить его, сказать: «Не нужно так нервничать». Он не понял еще, что с ней произошло, что эта их встреча, эта ночь прошла ее насквозь, приковала к нему, как цепью. Что теперь она просто не сможет убежать от него, скрыться в неизвестном направлении. Потому и задавал вопросы, потому и смотрел так неуверенно. Знай он, что она сейчас чувствует, ни в каких уточнениях не было бы нужды.

Конечно, ничего подобного говорить София не стала, лишь улыбнулась устало и кивнула:

– Увидимся.

– Сегодня вечером? – уточнил Беркант.

София прикинула про себя – нет, сегодня вечером не получится. Нужно будет созвать совещание на заводе, проверить, как продвинулись дела за сутки, прошедшие с ее появления в городе... Да это, наверное, и к лучшему. Нужно дать себе время охладеть.

– Нет, – покачала головой она. – Завтра. Завтра вечером. Я тебе напишу...

– А что у тебя сегодня? – внезапно ревниво спросил Беркант. – Романтический вечер с мужем? Свидание с любовником?

София расхохоталась и, не сдержавшись, все же подалась к нему, скользнула губами по виску и прошептала:

– Поверь, ничего интересного.

Тот в ответ независимо дернул плечами и, задрав подбородок, зашагал к подъезду. Но на ступенях обернулся и махнул ей рукой.

* * *

Когда София добралась до квартиры, день уже разгорелся вовсю. Стамбул пробудился, сбросил ночную негу и теперь суетился, шумел, грохотал, гудел клаксонами бесконечных машин, источал запахи цветов и свежей выпечки.

Спать не хотелось. Ей и всегда достаточно было трех-четырех часов сна. Прошедшая же ночь оказалась слишком значимой, до предела взвинтила нервы, и София понимала, что сейчас лечь в постель бесполезно – она все равно не уснет. Будет ворочаться, перебирать в голове детали случившегося, все больше раздражаться на неидуший сон... Лучше уж для начала заняться делами, успокоиться, а там, может, и останется пара свободных часов на сон перед визитом на завод.

Напустив в ванну ароматной пены, она с наслаждением опустилась в нее, пристроив ноутбук на бортике. Открыла почту, пробежала глазами десяток писем, загрузила присланные Кайя документы. Но прежде чем полностью погрузиться в столбцы цифр и расчетов, кликнула на еще одно письмо – рассылку от Стамбульского клуба экстремалов и, пробежав глазами текст, едва не присвиснула.

В письме говорилось о том, что участников клуба приглашают принять участие в опасном мероприятии, которое состоится послезавтра в Кападочье. Группа экстремалов выедет в эту удивительную горную местность, славящуюся причудливым «лунным пейзажем» – сформировавшимся в результате происходивших много миллионов лет назад вулканических извержений каменными конусами и расселинами, – где желающие смогут совершить прыжок с парашютом с одной из скал. Необходимое оборудование уже закуплено, наняты сопровождающие и врачи – на всякий случай.

Сердце замерло на секунду, а затем восторженно толкнулось в грудную клетку. София думала об этом трюке уже давно, но даже не представляла, что однажды ей представится возможность воплотить его в жизнь. Склонив голову к плечу, она уже занесла над клавиатурой руку, чтобы отбить свое согласие. Наверняка нужно было побыстрее застолбить место, пока не налетело желающих. Организатор не станет вечно придерживать для нее информацию.

С указательного пальца сорвалась капля воды и плюхнулась на клавишу «S». «Послезавтра...» – прошелестело в голове. Можно было перенести встречу с Беркантом. Совершить прыжок, а потом...

София вдруг почему-то представила себе, как с металлическим лязгом рвется толстый трос, как в последнюю секунду соскакивает с карабина крюк, и она летит вниз, на топорщащиеся с земли острые камни. Представила себе, как Беркант ждет ее, поминутно поглядывая на экран телефона... И внезапно ощутила неприятный, скребущий в груди страх. То чувство, которого не испытывала уже очень давно. Страх... Страх смерти?

Не зная, что делать с этим незнакомым ощущением, она задумалась на секунду. А затем навела курсор на письмо с приглашением и, щелкнув правой кнопкой мыши, удалила его.

После же, уже выбравшись из ванны, запахнувшись в мягкий махровый халат, достала из ящика стола толстую тетрадь в коричневом кожаном переплете, свою верную спутницу последних лет, и щелкнув серебристым «Паркером» начала быстро писать легким летящим почерком.

4

У Софии была твердая линия рта. Наверное, оттого и улыбка выходила такая странная. Губы просто растягивались, словно выполняя привычный, одобряемый обществом ритуал. Глаз же улыбка никогда не достигала, они продолжали смотреть внимательно, цепко и отстраненно. Зато когда ясный обычно взгляд ее вдруг мутился нежностью, весельем или еще какой-нибудь редкой для нее эмоцией, губы оставались все так же твердо сомкнуты, не улыбались, не подрагивали от подступающих слез.

Еще у нее была привычка чуть склонять голову к плечу, слушая собеседника, как бы мгновенно взвешивать полученную информацию, оценивать, отбрасывать ненужное и анализировать нужное. Берканту порой начинало казаться, что в зрачках ее в такие моменты бегут столбцы цифр – как на дисплее какого-нибудь замысловатого прибора.

Зато когда она спала, лицо ее менялось до неузнаваемости. С него словно губкой стирали всю жесткость, решительность, холодность и рассудочность. Оно становилось детским, уязвимым и отчего-то грустным. В такие минуты София напоминала маленькую девочку, к которой жизнь с самого рождения была не слишком ласкова.

Вот как сейчас, например...

Беркант ниже склонился над спящей женщиной. Яхта покачивалась на волнах, и прибрежные фонари то заглядывали в круглый иллюминатор, то исчезали из поля зрения. А потому лицо Софии то озарялось тусклым желтоватым светом, то снова оказывалось в тени. Может быть, именно это прерывистое мерцание и давало такой эффект.

Беркант задумался на секунду, пристально вглядываясь в ее лицо, прослеживая взглядом тонкие упрямые брови, решительные скулы, четкую линию подбородка. И вдруг, вздрогнув, мотнул головой.

Чем это он занят, в самом деле? Сидит тут и, как какой-то идиотский герой из так ненавидимого им многосерийного турецкого «мыла», любителю спящей бабой? Уж не крыша ли у него поехала?

Беркант знал за собой привычку наблюдать за людьми, с которыми тесно общался, да и за новыми знакомыми тоже. Подмечать особенности мимики, жестов, излюбленные словечки, манеру поведения в разных ситуациях. Это была полезная привычка, нужная в работе. Пополнение своего актерского багажа приемами, которые в дальнейшем можно было использовать. Часто для того, чтобы «оживить» персонажа, которого приходилось играть, достаточно было лишь наделить его каким-то характерным жестом или словом – и образ становился более цельным, ярким, запоминающимся.

Но это вот ночное бдение над задремавшей Софией было уже слишком. Он ведь буквально смаковал все эти милые подробности, рассматривал с особой нежностью, бережно разбирал и укладывал в копилку памяти. Чего ради? Ведь изначальной целью знакомства с ней было – разгадать, что скрывается под безупречным образом этой леди совершенство, найти слабости и немного поиграть на них ради собственного удовольствия. А потом пойти своей дорогой, забыть о ней, как забывал обо всех остальных случайных женщинах. Так зачем же он сидит тут и медитирует, стережет ее сон, как какой-то сопливый романтичный влюбленный? Глупо, глупо...

И опасно!

Беркант поднялся с койки, вышел из каюты на палубу и огляделся по сторонам. Причал, у которого стояла яхта, находился близ парка Эмирган в районе Сарыер. Справа и слева белели прорезающие ночное небо тонкими иглами мачты соседних яхт, впереди же, отделенные темной полосой воды, виднелись обрамленные зеленью, уходящие вдаль холмы тихого в такой час парка.

Яхта эта была, конечно, не его – ключи он взял у приятеля. Почему-то в тот момент это показалось хорошей идеей. Он как раз раздумывал, куда бы повести эту строптивую Софию, чем бы таким неожиданным впечатлить и заставить ее ослабить контроль. Тогда можно будет взять ситуацию в свои руки и двигать ее в нужную ему сторону. Кто же знал, что в итоге он будет тут как заправский debil глазеть на нее, спящую. Как бы стихи не начать писать, в самом деле.

Он и так непозволительно много думал о Софии в последние дни. После того первого вечера, вернувшись домой, сразу отрубился, и во сне вместо привычного кошмара увидел что-то неясно теплое, нежное, счастливое. Точного сюжета сна он не запомнил, но там определенно присутствовала ее рука, лежащая у него в ладони, ее пахнущие ветром светло-русые волосы, касающиеся его лица... Беркант впервые за несколько лет проснулся в умиротворенном, даже, пожалуй, хорошем настроении и несколько минут еще лежал в постели, перебирая в памяти события прошедшего вечера и ночи. Потом поймал себя на этом, быстро вскочил и заспешил в душ – нечего было предаваться чувственным фантазиям.

Он несколько раз успел обругать себя за то, что, выпендриваясь перед Софией, наврал про завтрашние съемки. Сам же дал ей в руки предлог отказать ему в эту ночь. Ну ничего, больше он такого промаха не допустит.

Однако следующие две встречи результата тоже не принесли. Он водил ее по своим любимым клубам, по ресторанам, надеялся поразить блеском красивой жизни, но в результате заканчивалось все только очередной поездкой на мотоцикле до его дома. А затем София махала ему рукой и, запрыгнув на стального коня, отбывала прочь. Беркант злился, раздражался и с нетерпением ждал, когда начнется работа над сериалом, чтобы уйти в нее с головой, отвлечься от Софии и перестать ежеминутно разгадывать этот сложный ребус.

Но оказалось, что образ Софии продолжал его преследовать и на съемочной площадке. Он думал о ней, пока ему накладывали грим, вспоминал обрывки вчерашних разговоров, выслушивая указания режиссера. Лежал, вальяжно развалившись на диване в выстроенной в павильоне шикарной гостиной «отцовского» дома, прикрыв глаза и всем своим видом выражая презрение к благородному семейству, частью которого являлся его герой, а голова кружилась; казалось, что он все еще мчится по Стамбулу на мотоцикле, прижавшись всем телом к вытянутой в струну спине лихой байкерши.

Диалог, звучавший рядом с ним, прервался, повисла тишина, и Беркант, как-то почувствовав, что длится она подозрительно долго, открыл глаза и сообразил, что все вокруг напряженно смотрят на него. Черт подери, сейчас же была его реплика! Отвлекся, забылся...

– Стоп! – скомандовал продюсер, направляясь к нему.

Беркант выпрямился на диване, постарался натянуть на лицо невозмутимое выражение. Ни в коем случае нельзя было признаваться в промахе.

– Беркант-бей, я, может быть, недостаточно четко объяснил... – начал Озервли Хусейн.

Он явно не решался слишком уж сурово давить, открыто выражать недовольство. Все-таки Беркант, несмотря на последние годы неудач, все еще считался выдающимся актером драматического турецкого кинематографа.

– Нет-нет, я понял, – с вызовом отозвался он. – Дело в другом. Ханде, – он раздраженно махнул рукой в сторону испуганно смотревшей на него партнерши по сцене, – слишком тихо говорит. Мне не слышно!

Девчонка расстроено заморгала глазами, и Беркант на секунду ощутил острый укол стыда. Конечно, она не была актрисой, просто популярной симпатичной мордашкой из «Инстаграма», королевой красоты. В сериал ее взяли за красивые глаза и высокую популярность у зрителей, и, может, она в самом деле вела себя на площадке непрофессионально. Но что ему было с того? Неужели так уж трудно было бы отснять еще дубль, не нарываться, не скандалить? Ведь когда-то он не был таким, еще пять лет назад он ни за что не стал бы срывать

на девчонку, которая и так робеет в его присутствии, придавленная авторитетом. Тогда у него оставались еще какие-то понятия о чести, актерском товариществе, командной работе... А что же сейчас?

Озервли Хусейн, и без того измотанный изначально проблемным сериалом и, разумеется, не желавший впустую терять съемочные дни после более чем недельного простоя, за красавицу, ясное дело, не вступился. Подленько покивал Берканту и отволок Ханде в сторону, что-то сурово ей выговорив. От этого настроение стало еще хуже. Получилось, что они с этим лицемером вроде как на одном уровне. Мерзко...

Объявили следующий дубль, на этот раз Беркант вступил вовремя, отыграл сцену, как было нужно, но засевшая внутри досада осталась. И в конце концов обратилась на Софию. Конечно, все дело было в ней. Никогда еще никакая баба не мешала ему работать. Это раздражало, это было глупо и унижительно. Замечтался о случайной встречной, которую видел-то всего пару раз, и прошляпил собственную реплику.

Впрочем, Беркант успокоил себя тем, что покоя ему не давал обыкновенный неудовлетворенный охотничий азарт. Ведь ему до сих пор так и не удалось уложить Софию в постель. В этом-то дело и было. Конечно, теперь эта незавершенная история гвоздем засела в голове, и единственным способом выдрать ее оттуда было все-таки дойти с Софией до конца. Но не просто переспать, а добиться именно того, о чем он думал в самом начале. Заставить эту непрошибаемую пацанку есть у него с рук.

Однако раздражение так и не ушло до самого конца дня. Вечером Беркант попытался назначить внеочередную встречу с Софией, долго раздумывал, что бы такого написать ей в «Ватсап», чтобы не произвести впечатление изнывающего от желания влюбленного идиота. И в конце концов, черкнул по-английски: «Где ты? Может, пересечемся?» Подумав, добавил «Baby» – нормально так получилось вроде, несколько даже по-ковбойски, и заменил «you» на «и» – пусть видит, что он модный парень и не чужд современным тенденциям.

В ответ же получил сообщение о том, что она сейчас сильно занята по работе и сможет увидеться с ним только завтра вечером, как они и договаривались. Занята... Чем это она могла быть так занята? Беркант до сих пор понятия не имел, кем работала эта лихая мотоциклистка, но сильно сомневался, что она нейрохирург, министр обороны или кто там еще может быть настолько занят в десять вечера, что и пары минут на переписку не выкроить? Нет, скорее всего нахальная баба нарочно его динамила, провоцировала, стараясь сильнее разжечь интерес. И, надо признать, ей это удавалось.

Вот тогда он и придумал попросить у приятеля ключи от яхты, решив действовать наверняка. Уже ясно было, что шикарным рестораном эту Сару Коннор не проймешь. Она ужинает с ним, вежливо благодарит, недолго гуляет по городу, а потом каждый раз сваливает, отказавшись ехать к нему. Яхта же в этом смысле была прямо идеальна – там никуда зазывать Софию после ужина не придется, постель найдется прямо в каюте.

Ночью Беркант спал плохо, на киностудию явился раздраженный, тут же снова вызвился на все ту же Ханде, игравшую роль его положительной сестры. Началось все из-за какой-то ерунды, а потом слово за слово... В общем, минут через сорок он уже орал на продюсера:

– Я не могу работать в такой атмосфере, среди непрофессионалов! Нанимаете черт-те кого, каких-то звездук из «Инстаграма». Она же не имеет ни малейшего понятия об актерском мастерстве, она меня сбивает...

Озервли, этот проклятый лизоблюд, вместо того чтобы остановить его, призвать к порядку, свести конфликт в шутку, только лепетал:

– Беркант-бей, мы понимаем ваши чувства и сделаем все, чтобы с этого дня процесс съемок стал для вас максимально комфортным. Но сейчас нужно доснять сцену, время уходит...

Однако Берканта уже понесло, и остановиться теперь было нереально:

– Нет, вы не поняли. Вы ничего не поняли! Доснимать мы сегодня ничего не будем. Я отказываюсь работать с этой женщиной и не выйду на площадку, пока ее не заменят другой актрисой. И желательно настоящей актрисой!

Скандал набирал обороты. Через час Беркант уже и сам был не рад, что затеял все это. Долго злиться он не умел, ярость свою давно уже выплеснул и теперь, наверное, и вспомнить бы не смог, какой именно репликой Ханде так его допекла. Да и жалко было ее – забила в угол и редела, размазывая тушь. Да что с ним такое, когда он успел стать таким говнюком? Но сдавать позиции тоже было нельзя, это было равносильно тому, чтобы признать свою неправоту. Наглые киношники решат еще, что победили, уломали его, и с этого дня будут пытаться вернуть им, как хотят. Нет уж, придется жать до конца.

Рассуждая так, Беркант нарочно растревал себя, накручивал, пестовал свою обиду, причину которой уже успел позабыть, и так и не согласился выйти на площадку. В конце концов Хусейн пообещал сделать все от него зависящее, и Беркант отбыл домой. До встречи с Софией оставалось два часа, и внутри у него что-то тревожно подрагивало и сладко замирало. Дьявол разбери эти совершенно ненужные ощущения.

Встретиться они договорились возле площади Таксим. Беркант подъехал к месту на такси – машиной он к тридцати пяти так и не обзавелся. И хоть сетовал иногда, что давно уже должен был бы рассекать на собственном «Порше», по-честному сидеть за рулем на запруженных улицах Стамбула не горел желанием. Нет, немного водить он умел, конечно, но поймать паническую атаку в бешеном трафике не хотелось. Он и на съемках трюковых сцен всегда предпочитал, чтобы дело обходилось тележкой, а от него требовалось всего лишь красиво вскочить на стоящий на тормозе байк.

Беркант попросил водителя притормозить у кафе, высунулся из приоткрытого окна и принялся вглядываться в сидевших на террасе людей. Признаться честно, он не был уверен, что сможет узнать Софию издали. Общались они то в полутемных барах, то в залах ресторанов, где свет тоже был приглушен, то на ночной улице, а в первую их встречу он вообще был навеселе, и облик ее теперь как-то расплывался в голове, дробился на детали. Вспоминались то сложенные в насмешливую и в то же время понимающую улыбку губы, то изящные, но сильные руки с твердыми мозолями на подушечках пальцев, то глаза... Наверняка, окажись он с ней рядом, узнал бы сразу же – по движениям, жестам, окутывающей весь ее образ ауры спокойной силы и уверенности в себе. Ведь актерская память у него была феноменальная...

Беркант внимательнее вгляделся в посетителей кафе, прищурился, и сердце вдруг больно толкнулось в груди, среагировало на увиденное раньше, чем мозг успел его осмыслить. Вон она – София, сидит одна за дальним столиком, пьет кофе из стаканчика «навынос» и что-то изучает в планшете. Судя по виду, явно не шарится по соцсетям, не тупит в Интернете, а работает. Спокойно так, сосредоточенно. Не озирается по сторонам, пытаясь разглядеть его в толпе, не поглядывает на часы, просто занимается своим делом. Как будто бы предстоящее свидание несколько ее не волнует, не нервирует.

Это раззадорило его, и без того взвинченного до крайности, еще сильнее. Беркант попытался успокоить себя тем, что ведь она все-таки соглашается встречаться с ним, вот и сегодня пришла. Значит, он ее зацепил, заинтересовал чем-то. А то, что работает... Может быть, у нее в офисе завал, шеф-тиран не дает продыху, даже в свободное время приходится вкалывать. Кем она там вообще может трудиться? Английский у нее превосходный... Наверное, какой-нибудь менеджер среднего звена, экспат, нанятый в крупную корпорацию? Одежда на ней всегда неизменно качественная, дорогая, но не шикарная, не похваляющаяся ценником и раскрученным брендом, уж в этом он разбирался. Правда, часы были дорогими, на них Беркант внимание обратил. Но часы могли быть подарком – от любовника, бывшего мужа... Нет, по часам судить не стоило...

Устав наблюдать за Софией издали и так и не сделав никаких однозначных выводов, Беркант вышел из машины и направился к ее столику. Поначалу хотел попросить водителя посигналить, дать понять, что он уже здесь, но не решился. Чутье подсказывало, что София не то чтобы оскорбится, что ее подзывают клаксоном, она просто не отреагирует на гудок.

Шагая к ней, он лихорадочно перебирал в голове приветственные фразы. Как бы так начать разговор, чтобы сразу забрать ситуацию в свои руки, чтобы не выглядеть тут мальчишески с потной ладошкой. «Давно ждешь?» – пускай сразу станет ясно, что это она тут заинтересованная во встрече сторона, он же не особенно на нее и спешил. Или «Вот ты где? А я не сразу тебя узнал». Нет, так, пожалуй, слишком грубо, а она явно не из тех женщин, что станут терпеть пренебрежительное отношение. Нужно что-то такое, чтобы и не спугнуть, и не проявить слишком уж сильной заинтересованности. Расстояние между ним и Софией стремительно сокращалось, а спасительное начало разговора так и не придумывалось. И в конце концов он выдал что-то вроде:

– Надо же! Я думал, ты примчишься на мотоцикле или спустишься с парашютом.

София, как раз в эту минуту поднося к губам кофе, не спеша отхлебнула, отставила стакан и только потом подняла на него глаза. И Беркант готов был поклясться, что, едва взглянув на него, она каким-то чудом разгадала и то, что он наблюдал за ней издали, и то, как мучительно выдумывал первую фразу. Да что же это за сканеры прятались у нее в зрачках, проникающие прямо в душу и считывающие все тайные мысли?

София медленно улыбнулась. Эта ее улыбка была уже знакома Берканту – удивительно подкупающая, обаятельная, дружелюбная. Улыбка, которая, казалось, так и должна была кричать: разве ты не видишь, я простая девчонка, своя в доску, со мной легко и весело, не напрягайся. Может, других ей этой улыбкой и удавалось обмануть, но он как профессиональный актер всегда умел чувствовать людей и понимал, что никакой простоты и легкости в Софии нет. Это стало ясно сразу, с той первой ночи.

– На самом деле меня за углом ждет военный вертолет, – с этакой веселой ленцой в голосе произнесла София. – Поехали покатаемся?

Беркант рассмеялся и протянул ей руку:

– Нет уж, сегодня я тебя катаю. Пойдем?

– Пойдем, – легко согласилась София, вложила пальцы ему в ладонь и встала из-за столика.

Это тоже его в ней поражало. Как она каждый раз вот так сразу, не задавая лишних вопросов, соглашается с ним пойти. Что это такое? Бесстрашие и уверенность в собственных силах? Или доверие лично к нему, непонятно чем объяснимое? Загадки, сплошные загадки...

Никакого катания, конечно, не вышло. Если не считать недолгой поездки на такси по городу до причала, где стояла яхта его приятеля. Сам Беркант управлять судном не умел, а услугами капитана, которого обычно нанимал приятель, пользоваться не захотел. Еще будет маячить весь вечер на борту, отвлекать в самый ненужный момент. София, едва ступив на палубу, уверенно огляделась по сторонам, прошла в рубку, прикоснулась к панели управления – спокойно и решительно, как человек, который прекрасно знает, что здесь и как работает.

– Выйдем в открытое море? – спросила она без всякого страха, обернувшись к Берканту.

И тот, чтобы не ударить в грязь лицом, не стал уточнять, что их сегодняшняя морская прогулка не предполагает удаления от порта, сказал лишь:

– Давай сначала поужинаем. А там разберемся.

Стол в каюте был накрыт к их приходу – он еще днем позвонил и сделал соответствующие распоряжения. Вышколенная обслуга все приготовила и ретировалась на берег за полчаса до их прибытия. И теперь в накрытом серебряным колпаком блюде обнаружилась запеченная рыба, рядом, на расписной тарелке, овощи, свежие и поджаренные на гриле. Тут же

были многочисленные закуски, соусы, ведро со льдом, из которого торчало запотевшее горлышко бутылки шампанского.

– Как в «Аленьком цветочке», – хмыкнула София, остановившись на пороге каюты. – Никого нет, а стол ломится яствами.

– Аленький цветочек? – не понял Беркент.

– Сказка, – пояснила София. – В Европе она еще известна как «Красавица и чудовище». А в России – «Аленький цветочек».

– Так ты из России? – почему-то поразился Беркент.

Такой вариант даже не приходил ему в голову.

София как-то обмолвилась, что образование получила в Англии и работала в какой-то крупной международной технологической корпорации. И потому он как-то про себя сделал вывод, что она родом из Западной Европы. Но русская? Разве София была похожа на русскую? А впрочем, не то чтобы он разбирался.

– Можно сказать и так, – дернула плечом она. – Правда, я уже двадцать лет не живу там на постоянной основе.

– Значит, ты... Masha? – напрягши память, выдал он. – «Три сестры», Чехов, я помню по студенческим годам. Ты читала Чехова, София?

– Читала, – усмехнулась та краем рта. – Ну что же, посмотрим, что тут у нас?

С этими словами она подошла к столу, подцепила с блюда хороший кусок ароматной, покрытой румяной корочкой и истекающей соком рыбы и впилась в него зубами.

Беркенту нравилось, как она ела – с аппетитом, явно получая удовольствие от вкусной пищи. Он довольно насмотрелся на актрис и светских тусовщиц, вечно сидящих на диетах и уныло мусолящих листик салата, при этом жадно поглядывающих на калорийные лакомства. София же ела так, как делала и все остальное в своей жизни, – красиво и с удовольствием. Ему же самому, приходилось признать, кусок в горло не лез.

Беркент все подливал Софии вино, надеясь, что она захмелеет и ему станет проще к ней подобраться. Но та пила мало и самообладания явно терять не собиралась.

– Ты так и не ответила мне тогда, – все-таки решился он. – У тебя есть кто-нибудь?

– Кто-нибудь есть у каждого, – рассмеялась София. – Что конкретно тебя интересует? Про родителей я уже рассказывала, они умерли. Обручального кольца, как видишь, я не ношу. Делай выводы.

– Это может ничего не значить, – пожал плечами Беркент. – Но скорее всего ты и правда не замужем. Иначе вряд ли муж отпустил бы тебя гулять где-то ночами.

– Будь у меня муж, я вряд ли стала бы спрашивать у него разрешения, – весело возразила София. – Честно говоря, именно это и отвращает меня во всех этих социальных играх, которые почему-то принято называть любовью. По сути же, это всего лишь еще один способ увеличения своих активов – возможность шлепнуть свой товарный знак не на компанию, надел земли или здание, а на человека.

– Значит, ты избегаешь отношений, потому что боишься потерять свою свободу? – уточнил Беркент.

Ему показалось, что он наконец что-то понял в этой женщине, совсем близко подошел к разгадке. Ну конечно! Воспитанная отцом-диктатором, София, вырвавшись из-под его власти, теперь больше всего на свете боится угодить под новое ярмо. Что ж, с этим можно работать. Дать ей понять, что он сам апологет безграничной свободы в отношениях, наплеши что-нибудь про личность, которую ни в коем случае нельзя ограничивать...

Но София снова спутала ему все карты, неожиданно заявив:

– Да нет, ничего подобного. Я не верю в то, что кого-то можно искусственно присвоить. Человек определяет границы своей свободы сам, просто не всегда готов это признавать. Что до

меня, я просто никогда не испытывала потребности связать свою жизнь с кем-то. Не понимала, зачем это могло бы мне понадобиться.

Беркант уже готов был биться головой о стену. Эта чертова баба ломала все его планы. Только ему начинало казаться, что он нашупал к ней подход, как она тут же одной репликой или жестом разбивала все тщательно выстроенные им мостки.

– Неужели же у тебя за всю жизнь не было ни одного близкого человека? Того, кто был бы тебе дороже любых взглядов и убеждений? – раздраженно спросил он.

София помолчала с минуту – нисколько не изменившись в лице, все так же прямо и невозмутимо глядя на него. А потом вдруг сказала:

– Был.

Отодвинула тарелку, поднялась из-за стола и снова направилась к рубке.

– Подожди, а десерт? – заволновался Беркант.

Он как-то не ожидал такой реакции, планировал, наоборот, перевести разговор в более интимное русло.

– Не хочу, – резко отозвалась София, поднялась по ступенькам, дернула на себя дверь рубки и бросила через плечо: – Ну что, покатаемся?

Беркант, внутренне похолодев, ринулся за ней. Все снова шло не по плану. Сейчас придется признаться в том, что управлять яхтой он не умеет. А с этой Софии – кто знает, что у нее на уме? – еще придется встать к рулю, погнать куда-нибудь в открытое море. А там бог знает, что может случиться – шторм, ураган. Эта экстремальщица, может, только рада будет, а ему такие развлечения совсем не по вкусу. Не говоря уж о том, что морская прогулка в непонятных условиях практически сводит на нет шансы заняться сегодня вечером чем-то более существенным.

Лихорадочно соображая, как бы снова развернуть ситуацию в нужную сторону, Беркант настиг Софию уже у штурвала, схватил за плечо – пожалуй, чересчур крепко, гаркнул:

– Кто он был? Отвечай!

Наверное, разыграть сцену ревности было не лучшим решением. Даже он отдавал себе отчет в том, что не имеет на такую бурную реакцию никакого права. Разве что списать все на всплеск эмоций, на то, что от страсти он перестал себя контролировать...

София резко обернулась. Глаза ее вспыхнули, зрачки сузились, и Берканту впервые вдруг стало страшно рядом с ней. Показалось, что в этой женщине таится что-то такое, о чем он и не подозревает. Он хотел было отшатнуться, но София вдруг сама ухватила его рукой за шею, вцепилась пальцами в волосы на затылке, крепко, так, что на глазах от неожиданного жжения выступили слезы, и, почти вплотную приблизив к нему лицо, шепнула ему в губы:

– Его звали Борис.

А затем поцеловала, сильно, до боли. Беркант чувствовал, как ее крепкая ладонь давит ему на затылок, как разошлась трещинка у него на губе, и к поцелую примешался терпкий привкус крови. Почему-то все это завело его до крайности. То, что он сам вдруг оказался жертвой сильной и жестокой хищницы, то, как властно, решительно она рванула его на себя, ясно давая понять, кто здесь будет за главного. В голове зашумело, в борт яхты ударила волна, и пол ушел из-под ног. Беркант и сам не заметил, как они оказались на застеленной ярким покрывалом кушетке, куда он весь вечер так мечтал Софию уложить. Как так вышло, что, несмотря на то что все его намерения и планы пошли прахом, они уже сдирали друг с друга одежду, боролись за доминирование, и он эту битву явно проигрывал. Как так получилось, что он вдруг перестал пытаться взять верх над Софией и расслабился в ее руках, отдался этой превосходящей его силе, и сила внезапно обернулась нежностью, сладостью, повела его за собой, мягко, но твердо и настойчиво. И он счастлив был следовать за ней.

В голове туманилось, перед глазами мелькали темные татуировки, которыми украшена была кожа Софии – загадочные символы и оскаленная пасть волка. Он успел удивиться мель-

ком таким неженским рисункам, но спросить, откуда они, для чего, уже не сумел. Все связные мысли вышибло из головы, когда Беркант ощутил вдруг, что едва ли не впервые в жизни может позволить себе отбросить маску сурового мачо, сдаться на милость победителя, утопить его в ласках, смутить и обезоружить своей покорностью. Он заметил, как между бровями Софии залегла удивленная морщинка, как стальная хватка ее сменилась нежными объятиями, как поцелуи из иступленных стали чувственными, исполненными тихой радости воссоединения. И как сам он, пьянея от блаженства, от ощущения какой-то внутренней правильности происходящего, всем своим существом погрузился в истому.

После, обессиленные, выплеснувшиеся без остатка, они рухнули рядом. Беркант лишь через несколько минут сумел повернуть голову набок, взглянуть на Софию и понял вдруг, что она заснула – и тут же снова переменилась. Ничего от властной, суровой хищницы в ней не осталось, на лице застыло доверчивое, ранимое, потерянное выражение. Он же, окончательно сбитый с толку, весь перепачканный этим вечером, этой близостью, долго еще рассматривал ее разгладившиеся во сне черты, а затем, поймав себя на этом, удрал на палубу, как трус, едва успев натянуть штаны.

Ясно было одно – ничего он так и не выиграл, ничего не понял в этой русской, никакой власти над ней не приобрел. И в будущем – если оно, конечно, будет у них, это будущее, – все рычаги управления будут в ее руках. Этого никак, никак нельзя было допустить. Ведь именно ради победы все изначально и затевалось...

Когда он нашел в себе силы снова вернуться в каюту, он намеренно громко хлопнул дверь. И София тут же зашевелилась, села на кушетке, пробормотала растерянно:

– Надо же, я уснула... – И тут же заторопилась домой. – Мне пора. Сейчас вызову машину, спасибо за ужин.

По лицу ее трудно было что-то прочесть, но Беркант все же не зря так пристально вглядывался в нее все эти часы, не зря запоминал малейшие повадки. И сейчас смог разглядеть, что София, как и он, слегка растеряна случившимся, сбита с толку. Вероятно, она совсем не так рассчитывала провести вечер. А может, ее смутило то, что она уснула, ослабила контроль, фактически подставила мягкий живот малоизвестному, возможно, опасному человеку. Вон как подрагивали уголки ее губ, как настороженно блестели всегда такие спокойные, цепкие глаза.

Это немного успокоило Берканта. Возможно, все было не так уж безнадежно. Просто София лучше его умела владеть собой. Да что он, в конце концов, себе напридумывал? Кто она такая? Железная леди? Да она обыкновенная баба, которая, как и все они, хочет любви и тепла.

– Давай я поеду с тобой, провожу, – предложил он.

Но София только помотала головой, нажимая что-то в своем смартфоне.

– Нет-нет, я сама. Так будет быстрее. Увидимся.

Несколько минут – и она исчезла, как и не было. Беркант видел в окно, как она села в черную машину – странно, по виду автомобиль не напоминал такси. Но что еще она могла вызывать? Личного водителя, что ли? Да откуда у нее деньги на такую роскошь?

Исчезла. Не оставила после себя ни заколки, ни потерянной сережки, ничего такого, что могло бы подтвердить Берканту, что он действительно был тут с ней, а не увидел очередной яркий сон.

И все же она сказала: «Увидимся...»

* * *

Я – не такая, как ты, но я всегда мечтала обрести мягкость и грациозность движений, плавность черт и такой же пронзительный, но вместе с тем какой-то детский, совсем наивный взгляд, как у тебя, Беркант. Наверное, Борис мог бы быть похож на тебя.

Знаешь, он был бы веселым, смешливым и милосердным. Красавцем, интеллектуалом, женщины бы сходили по нему с ума... Он бы вырос серьезным юношей, прекрасным другом, любимым сыном, на него всегда можно было бы положиться. Он бы умел сострадать и любить. Отдав свое сердце один раз, он бы не изменил своему выбору, протянув руку, не отнял бы ее, из него бы получился прекрасный отец...

Вышло так, что вместо него живу я. Живу за двоих, никому не нужная, привязанная только к своим воспоминаниям. Никого не любящая, ни во что не верящая, никого не уважающая и совсем не умеющая прощать.

Я – одна из самых богатых женщин Азии, в моих руках огромная власть, я управляюсь с ней легко, как будто так и должно быть, как будто это был мой осознанный выбор с рождения.

Я ничего не боюсь. Я – адреналиновая наркоманка, я привязана к экстриму так же, как к власти и деньгам. Стрелять, прыгать с высоты, управлять всеми видами транспорта, яхтами, вертолетами, ревуцими болидами... Я сильнее и опаснее всех, кого я знала, бесстрашнее любого мужчины, и мне часто бывает скучно. Я болею одиночеством смертельно и все свое свободное время трачу на то, чтобы забыть о своей болезни. Моя жизнь давно потеряла смысл, и много лет подряд я делала вид, что здорова. Что рана не кровоточит и скорби больше нет... О, иллюзия моя, тень того, кого давно уже нет, все это было ложью... Беркант, мне удалось наконец-то сказать себе правду. Моя душа много лет томилась в нечеловеческом одиночестве, как будто бы раздвоенная, разрезанная пополам в ожидании, и только сейчас обрела целостность. Удалось соединить куски когда-то разбитого зеркала... Ты – моя иллюзия. Мечты о потерянном родном человеке, которым, казалось, никогда не суждено было сбыться, – сбылись. Ты – это самое ценное, что у меня есть, моя иллюзия, ставшая реальностью...

* * *

– У тебя что-то произошло? – спросила Алина, внимательно вглядываясь в Софию с другой стороны стола.

– М-м... Нет, все как обычно. А почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась София, машинально кроша кусок свежего белого хлеба.

– Ты какая-то... не такая, – отозвалась Алина. – Не могу объяснить, что конкретно изменилось, но... Вот чувствуется.

– Наверное, весенний Стамбул на меня влияет, – беспечно бросила София. – Ты же сама говорила – сейчас тут самое прекрасное время.

– Наверное, – согласилась Алина.

Но по лицу ее, по тому, как она продолжала весь обед искоса на нее поглядывать, София поняла, что мачеха ей не поверила. Хотя, в самом деле, что могло в ней измениться? Она ведь не строчила часами сообщения в «Ватсапе», не хихикала и не закатывала мечтательно глаза, как влюбленная школьница. То, что у нее впервые в жизни, кажется, складывались отношения, глубоко ее затронувшие, отношения с неким прицелом на будущее, внешне вроде бы ни в чем не выражалось.

Они с Беркантом теперь виделись почти каждый день, и София, никогда не смешивавшая личную жизнь с работой, с изумлением осознавала, что ради этих встреч готова подвинуть дела компании, перенести совещание или попросту пренебречь мероприятием, на котором собиралась присутствовать.

Почему именно с этим человеком все изменилось? Что в нем было такого, что заставило ее так круто пересмотреть приоритеты? Этого она не знала и сама. То ли действительно все дело было в том, что он оказался так похож на ее представление о давно потерянном брате, то

ли это лично в нем что-то так ее зацепило... В целом вся эта незнакомая ситуация вызывала у нее смешанные чувства. С одной стороны, хотелось бороться, сопротивляться этой зависимости, каждую секунду доказывать Берканту, что ее так просто не подчинить, что она была и остается одиночкой. С другой – стоило в глазах Берканта появиться этому озадаченно-обиженному выражению, и Софию насквозь пронзало острым сопереживанием, хотелось немедленно броситься на защиту, заслонить этого человека от любого, кто вздумает причинить ему боль, пусть даже и от самой себя. Весь этот коктейль кипел внутри и поминутно требовал подпитки – видеть Берканта, прикасаться к нему, разговаривать с ним, убирать волосы со лба, дотрагиваться губами до уголка рта, прижиматься ухом к груди и слушать беспокойные удары сердца... Эта потребность росла в ней с каждым днем, подчиняла ее себе, как еще недавно жажда адреналина.

София никогда не нуждалась в том, чтобы подвергать собственные эмоции подробному критическому анализу. До сих пор вся ее внутренняя жизнь казалась ей определенной и понятной. Теперешняя же ситуация ее... озадачивала, если не сказать, что пугала. Это было нечто новое, непривычное, в чем у Софии не было никакого практического опыта. И София терялась, не зная, как действовать в таких обстоятельствах. К несчастью, близких друзей или друзей, разбирающихся в вопросе и способных дать ей совет, у нее никогда не было.

Наверное, именно поэтому она сейчас поглядывала на сидящую напротив нее аккуратную, элегантную и, как всегда, подчеркнута женственную мачеху и мучительно раздумывала, не задать ли ей пару вопросов.

– Послушай, – решила она наконец. – А у тебя после смерти отца так никого и не было?

Алина, не привыкшая, чтобы падчерица проявляла внимание к ее личным делам, взглянула на нее с интересом и, подумав, ответила:

– Серьезного – нет.

– Почему? – продолжила София. – Только, умоляю, давай обойдемся без всей этой сопливой чуши про «в моем сердце нет места ни для кого, кроме Олега, я буду верна ему до конца жизни». Ведь ты молодая привлекательная женщина. Наверняка от желающих отбоя нет. Как же так?

– А если я задам тот же вопрос тебе? – тонко улыбнулась Алина.

– Ну, дорогая, мы обе знаем, что из нас двоих ты больше похожа на женщину в традиционном понимании этого слова, – отмахнулась София. – Отношения, семья... Для тебя все это не пустые звуки.

– Знаешь, мы не настолько разные, как тебе хочется думать, – все так же продолжая усмехаться, возразила Алина. – Скажем так, существуют на свете люди, для которых отношения и семья являются главными ценностями сами по себе, как некая жизненная данность. Такие люди не мыслят себя в одиночестве, им обязательно нужен кто-то. А есть такие, как мы с тобой, которым в принципе отлично живется и самим по себе. Но если вдруг встретится достаточно интересный человек, чтобы пересмотреть свои убеждения, все может измениться. Как ты понимаешь, жизнь с твоим отцом задрала для меня планку «интересного человека» очень высоко, пока никто не дотягивает.

– То есть, – осторожно уточнила София, – ты хочешь сказать, что и я могу перестать быть одиночкой, если вдруг мне попадется человек, ради которого я захочу переменить стиль жизни?

– Конечно, – ни на секунду не задумываясь, кивнула Алина. И с очаровательной улыбкой добавила: – Не обольщайся, дорогая, не такая уж ты особенная.

* * *

За огромными, во всю стену окнами переговорной уже темнело. Солнце, еще несколько минут назад подмигивавшее рыжим глазом из-за горизонта, село окончательно, и Стамбул теперь окутывали дымчатые сумерки. София, сидя в высоком кресле во главе овального стола, рассеянно слушала отчет Кайя, который тот сопровождал высвечивающимися на электронной доске диаграммами и колонками цифр, сама же продолжая мысленно обдумывать слова Алины. Выходит, то, что до сих пор она никогда не испытывала желания сойтись с кем-то, завести семью, дом, могло означать не то, что она была нелюдима по натуре, а то, что просто до сих пор не встречала человека, с которым ей бы захотелось это сделать? Поверить в такое было заманчиво, еще как заманчиво. Но окончательно принять для себя такую точку зрения мешал смутный страх: а что, если все же ей подобная семейственность не дана от природы? Что, если она, не имеющая никакого опыта, не испытывающая никаких добрых чувств к людям вообще, все испортит? Может, не стоит и пробовать?..

– Нам стало известно, что к «Джифест Констракшн» обращались представители «ЭсТиЭм», – говорил тем временем Кайя. – Очевидно, до них по каким-то каналам дошла информация о наших сложностях с выполнением условий контракта, и они хотели перекупить заказ.

Услышав знакомую аббревиатуру, София мгновенно очнулась и включилась в обсуждение.

– «ЭсТиЭм»? – повторила она. – Вы выяснили, откуда произошла утечка информации?

Компания «ЭсТиЭм» много лет была главным конкурентом «EL 77», еще с тех времен, когда у руля стоял Олег Савинов. София была довольно неплохо знакома с ее основателем и бессменным руководителем американцем Дэрреном Ковальски, этаким лошеным денди с импозантной сединой на висках. Тот когда-то предлагал отцу сотрудничество, но Савинов, известный волк-одиночка, делить с кем бы то ни было активы не пожелал. Вероятно, его отказ крепко задел Ковальски, потому что с тех самых пор он не оставлял попыток тем или иным способом добраться до «EL 77».

– Пока найти утечку не удалось, но мы приняли все меры, и... – беспокойно отозвался Кайя.

София же тем временем обвела глазами конференц-зал и заметила, что коммерческий директор предприятия сидит на своем месте как на иголках, то и дело косится на часы и что-то проверяет в телефоне. Жестом остановив доклад Кайя, она обратилась к нему:

– Мистер Серкан, что с вами? Вас что-то беспокоит?

– Нет-нет, все в порядке, прошу прощения, – попытался было отовратиться тот.

Но София продолжила настаивать, и в конце концов мужчина признался:

– Моя жена сейчас в роддоме, «Скорая» забрала ее два часа назад. Я...

София замешкалась на минуту. С губ ее уже готов был сорваться привычный ответ: «Личные дела не должны мешать бизнесу, мистер... Вы ведь, я полагаю, как молодой отец заинтересованы в том, чтобы доходы компании, а следовательно, и ваши личные, продолжали расти? Тогда возьмите себя в руки». Но она вовремя прикусила язык, помолчала пару секунд и сказала мягко:

– Тогда что же вы здесь сидите? Езжайте к ней. Уверена, мы прекрасно справимся и без вас.

Директор посмотрел на нее почти с испугом, явно ожидая какого-то жестокого подвоха, и принялся горячо заверять, что ни за что не покинет место службы в такой момент. София же покачала головой:

– Поезжайте, мистер Серкан, не задерживайте нас. Жене вы сейчас нужнее. – А когда за ним закрылась дверь, обернулась к представителю HR: – Проследите, пожалуйста, чтобы Серкану выплатили премию по итогам этого месяца. Думаю, лишние деньги ему сейчас не помешают.

По переговорной пробежал приглушенный ропот. Сотрудники искоса поглядывали на Софию, и в глазах их читалось искреннее изумление. Но хорошее изумление, радостное. София, оценив их реакцию, осталась довольна своим решением. Кажется, она поступила именно так, как принято было поступать в мире «обычных людей». Не так уж это оказалось и сложно.

Коммерческий директор отбыл к супруге в роддом, совещание же продолжалось. Ситуация со сроками выполнения заказа выровнялась, и, казалось, можно было бы расслабиться, однако теперь, когда стало ясно, что откуда-то идет утечка информации, необходимо было выяснить, кто из сотрудников отрастил длинный язык или решил заняться промышленным шпионажем. И не была ли ситуация с контрактом, едва не приведшая к солидным убыткам, изначально кем-то спланирована и подстроена.

София была человеком энергичным и выносливым и при необходимости могла оставаться в строю долгие часы. Вот и сейчас ее нисколько не смущало, что совещание затянулось за полночь. За высокими окнами давно уже погасли краски заката и разлилась черная, густая, дышащая морем и подмигивающая разноцветными огнями Стамбула ночь.

Усталость постепенно наваливалась, конечно, но важнее сейчас было выяснить, кто же из работников протоптал дорожку к конкуренту. Или кого из своих людей Ковальски изначально внедрил к ним в штат. София, погруженная в устроенный ею же мозговой штурм, не сразу обратила внимание на то, что лежащий на столе мобильник, звук в котором она выключила перед встречей, подмигивает зеленым огоньком. А заметив, еще какое-то время машинально крутила аппарат в руках, продолжая внимательно слушать предложения и гипотезы коллег, и лишь через несколько минут открыла входящее сообщение. Оно было от Берканта:

«Приезжай ко мне, пожалуйста!»

Вот так просто. Никаких объяснений, приветствий, попыток выяснить, не занята ли она. Это было необычно. В последние несколько дней они с Беркантом много общались в Сети. Но в их переписке всегда был легкий оттенок флирта, интриги, захватывающей игры. Беркант, как и при личных встречах, пытался рисоваться, иногда попросту откровенно хвастал, расписывая забавные случаи, произошедшие с ним за день, – то поклонницы караулили его у съемочного павильона, то звонили из какого-то журнала, уговаривая дать интервью на трех разворотах. Это же короткое сообщение было похоже на отчаянную просьбу, если не на крик о помощи.

«Что случилось?» – написала София, мгновенно отвлекшись от обсуждаемых дел.

Беркант не отвечал. И София почувствовала, как откуда-то из самой глубины ее существования поднимается страх – острый, парализующий. Сдавливает ледяными пальцами горло, не давая дышать, чугунной плитой ложится на грудь. Она не была к этому готова, господи. Она вот уже лет двадцать как не боялась ни за себя, ни за других. Перед глазами вдруг замелькали всплывшие из подсознания картинки – сырые стены подвала, голого, заброшенного, в котором, видимо, когда-то находился спортивный зал или районная качалка. Сваленные в углу продавленные черные маты, шведская стенка с прогнившими, кое-где надломленными перекладинами, торчащий из-под потолка моток проводов. Скорчившееся на полу хрупкое мальчишеское тело...

Она столько времени не думала об этом, не позволяла себе думать... Отчего-то вспомнился подслушанный однажды разговор между тогда еще совсем молодым отцом и этим самым немцем, как там его, доктором Карлом, которого как раз недавно поминала Алина. Она, двадцатилетняя девчонка, тогда застала их на террасе дома в Сен-Тропе, попивающих виски, развалившись в полосатых шезлонгах.

– Такие переживания требуют длительной терапии, – тихо говорил немец. – Нельзя просто затолкать их в глубь памяти, завалить сверху яркими впечатлениями и запретить себе возвращаться к прошлому. Однажды что-нибудь обязательно выступит триггером, и разверзнется бездна...

– Избавь меня от своих умствований, Карл, – морщился отец. – Я во всю эту твою мозгоправную ересь не верю. Она для слабовольных и слабонервных. Мы с Соф-кой – не такие, и у нас все хорошо, как видишь.

Дальше София слушать не стала, звонко поздоровалась и сообщила, что едет развлекаться в город. И много лет не вспоминала этот разговор, теперь всплывший в памяти вместе с совершенно ненужными видениями из прошлого.

Будучи человеком рациональным, она приказала себе успокоиться. Если с Беркантом что-то случилось, это явно не имеет никакого отношения к тому, что подкинуло ей подсознание. Прошлое в прошлом, а сейчас – настоящее. К тому же, продолжала рассуждать София, возникни у него действительно серьезная проблема, он бы сразу обозначил суть. Тут, скорее всего, что-то внутреннее. Ладно, с этим она разберется.

Дождавшись, когда выскажутся все сотрудники, она поднялась со своего места и объявила:

– Господа, уже поздно. Думаю, велосипед мы с вами сегодня не изобретем. Ваши точки зрения я поняла, я все обдумаю и сообщу вам свое решение. А затем мы вместе выработаем план дальнейших действий. Засим – всем спасибо, никого больше не задерживаю, спокойной ночи.

Уже в машине, продиктовав водителю адрес, София набрала номер Берканта и долго вслушивалась в протяжные гудки в трубке. От каждого в груди что-то дергалось и начинало противно ныть. Да что же могло с ним произойти, в конце концов? Почему он не берет трубку?

* * *

Расположенный в центре дом, в котором жил Беркант, София помнила хорошо еще с того раза, когда подвозила его после их первой встречи. По ночным улицам машина домчалась до него быстро. София, отпустив водителя, ступила на тротуар и, запрокинув голову, взглянула на тускло поблескивающее в темноте освещенными окнами здание. Где-то там, в одной из клетушек этого муравейника, находился Беркант. И ей отчего-то стало неприятно осознавать, что их отделяют друг от друга десятки стен и бетонных перекрытий.

Она набрала номер квартиры внизу, на входной двери, успела прикинуть, что будет делать, если ей, как и по телефону, никто не ответит. Но в механизме замка что-то пискнуло, и дверь отворилась.

София поднялась на лифте на нужный этаж, занесла руку над кнопкой звонка, но потом остановилась, увидев, что дверь прикрыта неплотно и из щели выбивается полоска света.

В груди снова толкнулся страх – страх за Берканта, за то, что могло с ним произойти. Что, если к нему проникли какие-то злоумышленники? Сумасшедшие фанаты? Конечно, сомнительно, что он в таком случае стал бы писать ей подобное сообщение, но...

На всякий случай София нащупала спрятанную под пиджаком кобуру, которую надела еще в своем кабинете перед тем, как выехать к Берканту, достала верный «глок» и сняла его с предохранителя. Конечно, если в квартире засела банда головорезов, справиться с ними в одиночку будет непросто. Но врываться к Берканту вместе с сотрудниками службы безопасности компании не хотелось тоже. Придется рассчитывать на эффект неожиданности и на то, что успеет нажать на мобильнике вызов полиции.

Однако все эти соображения в итоге оказались ненужными. Резко распахнув дверь локтем и прижавшись спиной к стене в прихожей, София с первого же взгляда поняла, что никакие

злоумышленники в квартиру к Берканту не проникали. Если от чего его этой ночью и нужно было спасать, то от алкогольного и наркотического отравления.

В квартире царил хаос. Некогда уютное жилище очевидно давно уже не видело ремонта и успело порядком поистрепаться. София заметила барную стойку с испарпанной столешницей, заставленной бутылками и коробками из-под еды навынос. Диван и кресла, обитые потертой серой материей. На стене напротив висел большой фотографический портрет Берканта, видимо, сделанный лет десять назад. Беркант в черно-белом изображении был дивно хорош собой. Точеные классические черты лица, высокие скулы, прямой нос, прекрасные миндалевидные глаза, смотревшие с какой-то смутной тревогой, ниспадавшие на высокий лоб пряди растрепанных волос, чуть приоткрытые губы. Этот портрет, как показалось сейчас Софии, возвышался над своим хозяином будто в насмешку, безжалостно подчеркивая контраст между юным Беркантом и тем, каким его сделали время и болезненные пристрастия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.